

ПРОЕКТ ДМИТРИЯ ГЛУХОВСКОГО

ВСЕЛЕННАЯ МЕТРО 2033

ИГОРЬ ВАРДУНАС
ЛЕДЯНОЙ ПЛЕН

FC FUTURE CORP.

Метро

Игорь Вардунас

Метро 2033: Ледяной плен

«Издательство АСТ»

2011

Вардунас И. В.

Метро 2033: Ледяной плен / И. В. Вардунас — «Издательство АСТ», 2011 — (Метро)

ISBN 978-5-17-076628-4

«Метро 2033» Дмитрия Глуховского – культовый фантастический роман, самая обсуждаемая российская книга последних лет. Тираж – полмиллиона, переводы на десятки языков плюс грандиозная компьютерная игра! Эта постапокалиптическая история вдохновила целую плеяду современных писателей, и теперь они вместе создают «Вселенную Метро 2033», серию книг по мотивам знаменитого романа. Герои этих новых историй наконец-то выйдут за пределы Московского метро. Их приключения на поверхности Земли, почти уничтоженной ядерной войной, превосходят все ожидания. Теперь борьба за выживание человечества будет вестись повсюду! Говорят, где-то во льдах Антарктики скрыта тайная фашистская база «211». Во время Второй мировой войны там разрабатывались секретные виды оружия, которые и сейчас, по прошествии ста лет, способны помочь остаткам человечества очистить поверхность от радиации и порожденных ею монстров. Но для девушки Леры важно лишь одно: возможно, там, в ледяном плену, уже двадцать лет томятся ее пропавшие без вести родители...

ISBN 978-5-17-076628-4

© Вардунас И. В., 2011
© Издательство АСТ, 2011

Содержание

Про лодки и не только	5
Пролог	6
Часть 1	8
Глава 1	8
Глава 2	19
Глава 3	34
Глава 4	49
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Игорь Вардунас

Метро 2033: Ледяной плен

Про лодки и не только

Объяснительная записка Дмитрия Глуховского

Вообще-то такую книгу хотел написать я сам.

Еще с тех пор, как придумал повесть «Конец дороги», в которой старый капитан атомной подлодки на велосипеде пересекает разрушенную Последней Войной Россию с востока на запад в компании сбежавшего из дома мальчишки, идея описать приключения подводников в постядерных океанах меня не оставляла.

И вот уже черт знает сколько времени я приставал к разным авторам «Вселенной»: не хотите написать о походе последней уцелевшей атомной подлодки? Не хотите? А может, вы?

Совсем уже отчаявшись, я придумал сюжет сам. Книгу, правда, писать так и не собрался, зато вышел сценарий анимационного фильма. Я и не знал, что на портале Metro2033.ru тем временем наконец зреет роман, написанный автором, который услышал мои призывы, – Игорем Вардунасом.

«Ледяной плен» – первая изданная книга Игоря, и очень здорово, что он начинает свой писательский путь с нашей серии, с нашего портала. Как это уже неоднократно случалось за последние два года, роман, написанный новичком-энтузиастом с Metro2033.ru, оказывается самобытней и ярче иных книг, над которыми корпели профессиональные писатели.

Самое же интересное в этой истории то, как она открывает карту мира 2033 года в совершенно неожиданных местах. Путь следования подводного атомохода пролегает из Балтийского моря чуть ли не в противоположную точку глобуса. И опасности, подстерегающие героев на их пути, иной раз куда страшней тех, с которыми приходится сталкиваться выжившим в Московском метро.

Я уже как-то говорил, что нет никакой необходимости в очередной раз загонять своих героев – и читателей – в метро, для того чтобы написать роман в серию «Вселенная Метро 2033». Лично мне все интереснее следить за судьбой тех, кто в 2033 году оказался на морских просторах, в степях и пустынях, в мутировавших джунглях и на тропических островах.

И в новых книгах серии – а весь 2012 год мы намерены продолжать – вы будете исследовать весь мир, а не только туннели и бункеры, вместе с нами убеждаясь, что «Вселенная Метро» – это действительно настоящая маленькая Вселенная.

Дмитрий Глуховский

Эту книгу, с безграничной любовью, я посвящаю своему отцу.

Пролог

Хрррзвиу-у-ш-ш-ш...

...OS!...

...ззззвеееууу-е-н-н-н Грозный», как слышите меня? SOS! Просим помощи. Повторяю, SOS! Просим помощи! Мы у Земли-и-иизззу... ш-ш-ш... левы Мод. Самим не выбраться. Координаты: восточная часть Антарктиды между двадцатью градусами западной долготы и сорока пятью градусами восточной долготы...

...Говорит «Иван Грозный», как слышите меня? SOS! Просим помощи. Повторяю, SOS! Просим помощи! Мы у Земли Королевы Мод. Самим не выбраться. Координа...

Не знаю, как отключить этот сигнал, поэтому оставляю сообщение. Из всей команды в живых осталось всего несколько человек.

Страшно об этом говорить. Будто все произошло не со мной.

На что мы надеялись? Что спустя двадцать лет сможем заново возродить мир, который сами и разрушили? Глупо. Хотя что мы оставили себе, кроме надежды? Только осколки... И смерть. Мы должны были попытаться, пусть и ценой многих жизней. Хочется верить, что они были отданы не зря, но...

Люди. Во всем снова оказались виноваты люди, которые продолжают оставаться тупыми и жестокими хищниками, жаждущими крови себе подобных. Но сейчас уже слишком поздно разбираться, кто прав, кто виноват. Птах говорил, что надежда в наших руках, что в милосердии ключ к спасению. Теперь я в это уже не верю – на мне чужая кровь. И ничего нельзя вернуть.

И никого.

Кто знал, что, достигнув цели, мы собственными руками откроем ворота в ад, выпустив на свободу чудовище, с которым неспособны совладать?..

Хвала Господу за то, что эта дрянь, чем бы она ни была, не терпит холода. Хотя это всего лишь, мое предполо-ж-ш-ш-ш-ш-в-уу-и-ззз...

...этому я не знаю, сколько еще протянем.

Ходовая судна сильно повреждена, а спасательный бот уничтожен – так что нам, полюбому, не уплыть. Если окажется, что заражены – попытаемся взорвать реактор. После того, что произошло, смерть – это не страшно. На самом деле, мы и так уже все давным-давно мертвы. Мы не живем, не чувствуем, не любим... Мы никто.

И сами лишили себя всего.

Поделом.

Если вы принимаете этот сигнал, значит, у нас не получилось и лодка еще цела. Умоляю, не пытайтесь нас искать! Нельзя, чтобы зараза, на которую мы все так надеялись, вышла из ледников. По крайней мере, пока ее невозможно контролировать...

Вот, наверное, и все. Сейчас уже глупо о чем-то жалеть.

Я просто очень устала и хочу домой. Хочу к деду и друзьям... Хочу к родителям, которых больше нет.

А если подумать, их и не было-то никогда.

Кто и почему нам завещал такую жизнь? За что?

Уже не важно. Сейчас я просто хочу закрыть глаза и ни о чем не думать.

Больше никогда...

...хрррррр-зу-у-у...

...деюсь, что кто-то все-таки слышит.

Валерия Степанова, один из последних участников экспедиции к антарктическому материку.

Конец свя...

Часть 1

За горизонт

Глава 1

Незванные гости

Из вентиляционной шахты медленно лилась музыка. Тихо. Едва слышно. Чарующие звуки причудливо сплетались, то набирая силу, то заволакивающе растворяясь в густом теплом воздухе подземелья. Мелодия была настолько проста и красива, что Лере все время хотелось подпеть ей, но только очень-очень тихо, чтобы, не дай бог, не разрушить эту хрупкую, неизвестно где зарождающуюся гармонию.

Природу доносящегося из шахты звука было трудно определить. Его могли бы создавать потоки воздуха, струящиеся через многочисленные отверстия в стенках износившегося от двадцатилетней работы сооружения. Но иногда до задремавшей головы девушки долетали настолько четкие переливы и аккорды, что казалось, будто на другом конце ствола работал магнитофон или приемник. Лера даже изредка представляла себе, как некий ветхий дедушка или, что намного интереснее, какой-нибудь рослый красавец, подойдя к краю шахты там, наверху, ставит на мягкий от густой, свалившейся пыли пол магнитофон и включает его. И они сидят так, на разных концах, и каждый думает о чем-то своем, пока не приходит время прощаться. Интересно, а какой представляет он ее?

«Но если таинственный незнакомец действительно существует, где он смог достать магнитофон в рабочем состоянии спустя столько лет, да еще и раздобыть такую качественную запись?» – в который раз сомневалась девушка. А проверить свои домыслы у нее все равно не было никакой возможности – хрупкая лесенка давным-давно рассыпалась где-то посреди ствола. Да и если по-честному, лезть не хотелось – несмотря на все любопытство, в душе Лера не хотела рассеивать туман тайны и загадки.

Хотя, все может быть еще проще и это добытчик, изредка заходящий к вентшахте с поверхности? Но тогда почему за все время он до сих пор так и не обнаружил себя?.. Лера знала всех немногочисленных добытчиков, изредка совершавших вылазки на небольшие расстояния от убежища. Но прицельно интересоваться у них она не стала, боясь ненароком обнаружить свое секретное место – один-единственный, заветный уголок во всем бункере, где она могла остаться одна.

Думала Лера и о другой причине появления звука – аномальной. Но как измерить аномалию? Дозиметр, который она как-то захватила с собой, молчал с партизанской стойкостью в ее дрожащих от волнения руках. Стрелка чуть колебалась на границе с желтой полосой, и девушка понемногу успокоилась. Хотя чего не бывает в этом новом мире, который вот уже два десятка одинаковых долгих лет был поставлен с ног на голову? Лера иногда слышала, как редкие караванчики или добытчики, забредаящие с поверхности, рассказывали о жутких вещах, которые видели в местах, вообще не тронутых радиацией. Но особого доверия к рассказам разморенных сивухой подозрительных немых мужиков у нее не было.

Музыка была похожа на те неуклюжие самодельные колыбельные, под которые по вечерам баюкала своего долгожданного и хиленького первенца то и дело путающаяся в словах товарка по грибной плантации, Зина. Загнанное под землю человечество забывало о своей прежней гордости, да и язык-то свой даже забывало.

Каждый раз, лежа на своей кровати и слушая тихий знакомый голос из-за стены, Лера пыталась представить себе маму. Силилась вспомнить хоть что-нибудь из тех давних и потому

призрачных, коротких трех лет, что провела на ее руках. Но давно позабытые образы прошлого, забытые вглубь окрепшим сознанием, боялись выходить на свет, и девушка снова и снова всматривалась в фотографию, тщетно пытаясь хоть что-то выжать из памяти. Все это время тускнеющий снимок был ее единственным другом и напоминанием о родителях.

– Сирота! – однажды бросили ей в лицо.

Тогда она подралась со сверстницей – в первый раз в своей жизни. И надолго запомнила жалящие удары дедовского армейского ремня.

В доносившейся из шахты мелодии не было слов. Затаив дыхание, Лера неоднократно пыталась представить, о чем могли бы рассказать эти чарующие звуки. О королях и принцессах, о которых она когда-то с трудом прочитала в рассыпающейся прямо в пальцах обгоревшей книге? О любви? О мире, которого больше нет?

Несколько раз она все-таки попыталась подпеть, но вышло настолько нескладно и грубо, что Лера испугалась и, прикусив язык, дала себе зарок молчать. С тех пор девушка просто приходила сюда, перед этим обязательно проверив, чтобы рядом не оказалось чужих глаз, тихонько садилась на торчащий из стены кусок вытертой ее джинсами арматуры и слушала, слушала...

Папа и мама тоже приходили с ней. С любовью смотрели они на дочь с неумолимо тускнеющей фотокарточки, обнимая трехлетнюю малышку с огненно-рыжими волосами. Теперь эти волосы шелковистой волной спускались до плеч – малышка выросла, превратившись в стройную девушку с большими зелеными глазами, на острых плечах которой мешком висела неизменная матросская тельняшка.

Мама и папа гордились бы ею. Так говорил дед.

Лерины родители были биологами, и за два месяца до Катастрофы их пригласили принять участие в научной экспедиции, которая отправлялась на исследовательском судне к берегам Антарктики. Судно – «Лев Поликарпов» – так и не вернулось домой.

И кажется, кроме Леры, его судьба никого во всем мире и не интересовала. Какая разница, что случилось с каким-то плавучим институтом, когда сгинуло все человечество? За несколько дней закончилось все: войны, суeta, история.

В одно мгновение оборвалось бесчисленное количество жизней. Осмысленных и прожигаемых бездарно, счастливых и не очень.

Кончилась грызня за место под солнцем. Таким ярким в знойный июльский день, похожим на румяный апельсин... Все исчезло. Остались только названия да горстка бледнеющих и тающих без этого солнца воспоминаний.

Закончился мир, а на смену пришел всепоглощающий кошмар. Страшный сон, от которого невозможно проснуться.

Уж Лериной-то жизни точно не хватит дожидаться того момента, когда можно будет подставить лицо теплему полевому ветру, напоенному запахом скошенной травы, увидеть чистое голубое небо и легкие облака – четко, чисто, а не через захватанное и запотевшее стекло респиратора, воняющего прелой резиной.

И еще она иногда думала, что, может быть, родители спаслись. Может, у них просто вышла из строя аппаратура, и после Катастрофы они не смогли выйти на связь. Но пытаются, отчаянно пытаются сделать это все последние двадцать долгих тоскливых лет. Ерофеич как-то сказал, что *те-о-ре-ти-чес-ки* это возможно, так как в первую очередь бомбили крупные города и стратегические объекты. А в Антарктике-то чего – ни стратегических объектов, ни выработок полезных ископаемых – лед да пингвины.

Воспитавший ее старик хорошо помнил мир до войны и частенько вместо сказок на ночь рассказывал о той жизни. Помнил он и родной Калининград, по которому били прицельно. Пионерску, в одном из ремонтных доков которого оказалось бомбоубежище, приютившее несколько членов личного состава ВМФ и их семей, тоже досталось, но все же последствия были не так чудовищны, как в Калининграде.

Лере особенно нравилась история, в которой Ерофеич рассказывал о метро, на котором когда-то ездил в столице и Петербурге. Сама она поездов никогда не видела и уж тем более не могла понять, зачем им было нужно передвигаться непременно под землей, – тогда-то люди еще могли спокойно жить на поверхности. Тем не менее, каждый вечер, усевшись на подушку и затаив дыхание, она с приоткрытым ртом слушала рассказы о залитых ослепительным светом станциях, эскалаторах и тоннелях, робко пытаясь представить, как бы они могли выглядеть на самом деле. После Катастрофы дед часто говорил о том, что *мет-ро-по-ли-тен* с самого начала проектировали и строили как огромное бомбоубежище и что в крупных городах люди наверняка укрылись под землей. Кто-то обязательно должен был успеть. Кому-то мог улыбнуться случай.

Вот только на счастье ли...

Может, в Москве или Петербурге кто и выжил, но связаться с ними никак не удавалось. После Катастрофы что-то стало с радиоэфиром, и установить связь с другими городами никак не удавалось. В конце концов Совет старейшин постановил, что во всем мире людей – по крайней мере, цивилизованных – не осталось. Исключение составляла разве что группа морских пехотинцев с семьями, окопавшаяся в одном из командных бункеров севернее балтийского полигона. Однако те земли были суровыми и неприветливыми даже для мутантов. Все побережье от Янтарного и на юг, к Балтийску, а может, и дальше, часто затягивали гнойного цвета туманы, идущие с моря. Каким образом пехотинцы там выживали, понять было невозможно.

Дальнейшие попытки найти других уцелевших бессмысленны и даже вредны, потому как отвлекают население от борьбы за выживание на глупые и бесполезные мечтания. Люди повздыхали-повздыхали, да и смирились.

А там и новая реальность окончательно расправила свои крылья, и вопрос уже встал не о том, как других отыскать и вытащить, а как самим бы вслед за ними не отправиться в никуда... Ничего, флотская выправка помогла удержаться – не свихнуться с тоски и от ужаса, выкарабкаться как-то в черные первые недели.

– Кому война, а кому мать родна, – дымя безвкусными самокрутками, хмуро ворчали мужики на всхлипывающих жен. – Что теперь, веревку мылить?

А потом, через несколько месяцев после Катастрофы, в Пионерск пришел «Иван Грозный»!

Это было настоящим чудом.

Подлюдка была в походе, когда началась Последняя Война. В первые страшные дни она чудом уцелела, а потом уже охотиться на нее было некому. Какое-то время скиталась вдоль разоренных берегов, пока экипаж не поймал сигнал из убежища.

Красавец атомоход, да еще исправный! С тех пор огромное судно всего пару раз выходило из-под могучего купола доков, отстроенных незадолго до войны, – пока еще теплилась надежда, искали. Но так никого и не нашли...

В этот раз мелодия оборвалась раньше обычного, словно почувствовав приближение чужака. Зато сзади, за спиной, послышалось шуршание. Лера спешно убрала фотографию родителей в задний карман штопаных-перештопанных джинсов и, привстав с арматуры, настороженно взглядела в темноту коридора.

– Эй! – тихо поинтересовалась у пустоты девушка. – Кто это?

Мутанты?! Откуда им тут взяться! – попыталась взять себя в руки Лера. Давно она не бывала на поверхности, видимо, раз так трясется из-за малейшего шороха... Видел бы ее сейчас дядя Миша...

– Попалась!!! – внезапно из темноты выскочила маленькая фигурка.

Даже не успев крикнуть, Лера попятилась назад, споткнулась и спиной назад полетела на торчащую ржавую арматуру. Хорошо, просто оцарапалась... И уже беспомощно лежа на полу, наконец разглядела пришельца. Испуг сменился гневом.

– Юрик?! Ты что, следил за мной?

– Ага, – мальчишка важно кивнул, но под налетом важности и самодовольства замечен был испуг и тревога за Леру – не сильно из-за него ушиблась?

Пробравшись через покачивающиеся прутья, он протянул Лере руку и помог подняться.

– Ушастый послал? – нахмурилась девушка, отряхиваясь.

– Не-а! Я с этой каланчой не вожусь!

– Юрик, – Лера внимательно посмотрела в глаза паренька.

– Да не бойсь, – отмахнулся тот. – Чес-слово!

– Расскажешь кому, что видел меня здесь, – уши оборву, понял?! – вставая, пригрозила девушка.

Юрик снова закивал, улыбаясь, и вдруг загорланил свою любимую песню:

Птица Щастья завтрашнего дня!

Прилетела крыльями звеня!

Выбери меня!

Выбери меня!

Птица счастья завтрашнего дня!

– Ты чего такой веселый? – насторожилась Лера.

– Я твоя Птица Щастья! – объявил Юрик, вытаскивая из-за пазухи какую-то коробочку.

– Так! – девушка скрестила руки на груди. – Это что еще за...

– С днем рождения! – выпалил мальчишка, протягивая коробку ей.

Ой, а ведь и правда! Сегодня ей исполнилось двадцать три.

Очередная зарубка на жизни.

День такой же, как и все остальные дни, – проведенный в душном сумраке. Немудрено забыть. Что есть, что нету. Непонятно даже, благодарить ли Юрика за то, что напомнил...

Взяв подарок, Лера осторожно раскрыла его и посмотрела на свое отражение в маленьком поцарапанном зеркальце.

– Там даже пудра осталась, – гордо доложил Юрик. – Правда, совсем чуть-чуть.

– Ты где ее взял? – удивилась девушка.

– А где взял, там уже нету, – уклонился от ответа парень и сразу сменил тему. – Слышала про караван с поверхности? Говорят, из самого Калининграда пришли!

– Слышала. Девчонки на плантации все уши прожужжали, – скоро «налюбовавшись» отражением своего бледного, не избалованного косметикой лица, Лера закрыла пудреницу. – Классный подарок. Спасибо, Юр.

В новых условиях обитания простая женская безделушка становилась настоящим сокровищем. Хотя и не было у запертых в бункере женщин, разрывавшихся между грибными плантациями, скудным бытом и детьми, особых поводов наводить красоту, редкая из них упускала возможность покрутиться перед осколком зеркала накануне какого-нибудь незатейливого праздника. Из тех, которые еще не успели забыть. А некоторые из Лериных подруг, те, что постелее, в извечной борьбе за мужские взгляды, даже решались прокалывать уши «продезинфицированными» сивухой булавками, чтобы потом, с закушенной губой, неумело вставлять в них скрученные из проволоки колечки.

– Я знал, что тебе понравится, – с забавной самоуверенностью ответил Юрик, словно заправский кавалер, потративший несколько часов на выбор подарка в дорогом магазине.

– Спасибо, – Лера протянула руку, и довольная физия Юрика заметно подкисла.

- А я думал, поцелуешь, – с досадой промямлил он, неохотно отвечая на рукопожатие.
- Размечтался! Так что там с караваном?

Парнишка пожал плечами:

– Не знаю. Они как спустились, так сразу со старейшинами и заперлись. Пошли, может, разузнаем чего!

Лера последний раз посмотрела на затихший ствол шахты и пошла по коридору вслед за убежавшим вперед Юриком. Из глубины коридора доносилось задорное:

Птица Щастья завтрашнего дня!
Прилетела крыльями звеня!
Выбери меня!
Выбери меня!
Птица счастья завтрашнего дня!

* * *

Воздух загустел от лениво клубящегося дыма множества самокруток.

Лобачев еще раз оглядел рассевшуюся как придется калининградскую делегацию из двадцати человек. Как горстка, пусть и основательно вооруженных, людей смогла проделать такой путь поверху?

Крепкие, навьюченные тюками и боеприпасами караванщики, все как один – в добротной химзащите, сразу привлекли внимание дозорных на поверхности. Кроме мужиков в отряде было даже несколько женщин – подтянутых, с бледными лицами, на которых, в свете множества карбидок тускло блестели глаза. Цвет кожи, пожалуй, был единственным, что объединяло этих неожиданных гостей.

Ели и выпивали гости чинно, не торопясь, хотя наверняка испытывали зверский голод. Если, конечно, верить в то, что их припасы действительно закончились пару дней назад. Добирались пешком. В дороге погибли двое. Еще бы, сейчас у буренок как раз разгар брачных игр... Лобачев снова оглядел собравшихся. Странно это все. Какая сила могла сорвать горстку людей из убежища, или где еще они там сидели, и погнать черт знает куда? С какой целью? Ладно, вот после ужина и узнаем. Последний раз затянувшись, он затушил окурок в дырявой банке из-под тушенки и чинно выпустил из ноздрей сизые струйки дыма.

Когда гости наелись и старший в отряде, немолодой крепкий мужик с проседью, которого звали странным именем Ежи, поблагодарил начальников убежища, Ерофеев, один из старейшин, задал, наконец, волновавший всех вопрос:

– В Калининграде есть выжившие? Сколько?

– Немного, – уклончиво ответил Ежи. – Во время бомбежки кое-кому удалось укрыться в старых немецких бункерах и фортах.

– Почему же вы раньше не давали о себе знать?

– Пока не узнали про лодку, думали, что вокруг никто не выжил. Так же, как и вы.

– А как вы узнали про лодку? – насторожился Ерофеев.

– Слухи, – пожал плечами Ежи. – Рассказы добытчиков и караванщиков, которым удалось до нас дойти. Неужели вы думали, что удастся долго держать в секрете *такое*?

– Какова цель вашего прибытия? – поинтересовался кто-то.

– Спасательная экспедиция, – ответил Ежи, поправив съехавшие на переносицу очки, и, расшнуровав свой рюкзак, бережно достал из него потрепанную морскую карту.

– Какого рода, можно узнать? – поинтересовался сидящий рядом с Ерофеевым начальник безопасности, усаженный дядька лет пятидесяти.

– Незадолго до войны, во время исследований заброшенной немецкой базы в Антарктиде, был обнаружен вирус, к которому не было иммунитета ни у людей, ни у животных, – Ежи развернул карту на столе, с которого успели убрать посуду.

– Вы бы еще черта помянули, – хмыкнул Ерофеев, но внутренне весь напрягся, неожиданно почувствовав дрожь в пальцах.

– Разумеется, столько лет прошло! Итак, к нашим исследователям попали документы, датированные тысяча девятьсот сорок третьим годом. Согласно им, во время Второй мировой войны на немецкой базе «Двести одиннадцать», расположенной на Земле Королевы Мод, активно велись различные эксперименты в области радиобиологии и вирусологии.

– Антарктическая база Рейха – миф, – нахмурился начальник безопасности.

– Отнюдь, – Ежи достал из второго рюкзака несколько ветхих папок. – Мы никогда бы не предприняли такой поход, тщательно не изучив все доступные архивные материалы. Немцам удалось значительно продвинуться в разработке медикаментозных средств, которые существенно повышали невосприимчивость живых организмов к действию радиации. Сейчас важность этих разработок трудно переоценить, так как на их основе можно создать более качественные и действенные медицинские средства для лечения лучевых болезней.

– А если нету там ни хрена? – раздался хриплый раскатистый голос. Все находящиеся в столовой повернули головы к дальнему краю стола, над которым в окружающем сумраке высилась массивная фигура. – Вы об этом подумали? А народ гоношить да глотку драть наш Птах почище вашего умеет!

– Батон, тебя только не хватало! – шикнул кто-то, но говоривший не шелохнулся, словно был вытесан из камня.

От неожиданного вопроса гости заметно растерялись, и Ежи переглянулся с несколькими членами своего отряда.

– Вам мало документов? – облизнув пересохшие губы, наконец спросил он.

– Да этой макулатуре скоро перевалит за столетник! Неужто вы решили, что сможете ею меня купить? – продолжал холодно дожимать невидимый в сумраке Батон, но его перебил Ерофеев.

– Миша, охолопись, – сконфуженно пробормотал он. – Дай людям высказаться.

– Я уже достаточно услышал, – сказал Батон и вышел, наконец, на свет.

При виде показавшегося оппонента Ежи, до этого храбрившийся, нервно сглотнул. Половину лица Батона занимал широкий рыхлый шрам с глубокими вмятинами. Рванный, чуть вздернутый кверху край верхней губы создавал жуткое ощущение жестокой ухмылки.

– Что вы конкретно предлагаете? – возвращая разговор в деловое русло, Лобачев сдвинул на затылок капитанскую фуражку и, отодвинув банку с окурками, посмотрел на разложенную на столе карту.

– Экспедиция за образцами, – подал голос Марк, парнишка в круглых очках, устроившийся на ящиках с патронами, которые путешественники принесли с собой. – Немецкие разработки позволят людям жить на поверхности в условиях невысокого радиационного заражения без негативных последствий для здоровья.

В помещении зашелестел возбужденный шепоток.

– Очистить поверхность от нежити... Можно создавать небольшие колонии... Человечество снова встанет на ноги...

– В немецких документах четко сказано, – убедившись, что полностью овладел всеобщим вниманием, продолжал парнишка, – что исследования в области радиобиологии позволили создать вирусы, которые были способны уничтожать организмы, пораженные радиацией. То есть, сейчас мы можем получить реальную возможность уничтожить оккупировавших поверхность планеты мутантов и вылечить зараженных людей!

Обдумывая услышанное, Лобачев снова закурил.

– Мы должны попытаться, – твердо сказал Ежи, оглядев присутствующих. – Это наш долг.
– И каким, интересно, образом? – Лобачев выдохнул папиросный дым и почесал давно не стриженную бороду.

– Ваша лодка на ходу?

– Допустим, – переглянувшись с соседями, ответил насторожившийся Ерофеев.

– Мы фрахтуем ее, – твердо сказал Ежи и протянул ему сложенную вдвое бумагу. – Это письмо от нашего начальства.

– Но от реактора лодки питаются некоторые системы убежища, – тут же возразил начальник безопасности, пока Ерофеев, нацепив очки, вчитывался в послание.

– Какое-то время попытаются от собственных источников снабжения, – пожал плечами Ежи. – Мы же не навсегда уплываем.

– Она двадцать лет на приколе простояла, – не отступался усач. – Люди на нее молятся, детям сказки на ночь придумывают, а вы – «уплыть»? Да вы в своем уме – тут же такое начнется!

– Значит, устроим собрание, – Ежи уверенно стоял на своем. – Всеобщий референдум.

– И что оно даст? – все больше распалялся начальник безопасности.

– Потолкуем, обсудим, да и проголосуем.

– Вы хоть представляете, что такое в нынешних условиях – отправляться в такой поход? – усмехнулся до этого с интересом прислушивающийся к спору Лобачев. – Это же, считайте, автономка. Да с нами по дороге что угодно может случиться, мир-то уже давно совсем другой! А еда, припасы, топливо, наконец?

– Думаю, с топливом проблем не будет, принимая в расчет реактор лодки. Что касается припасов, на базе бывшего учебного центра ВМФ наверняка что-то еще можно найти, – парировал явно подготовившийся к вопросу Ежи.

– Воронка там давно, а не учебный центр, – вздохнул Ерофеев и потер морщинистые костяшки. Пальцы продолжали дрожать.

– Не волнуйтесь, – калининградец одной рукой поднял со стола несколько документов. – Мы знаем, что конкретно искать. И, самое главное, – где.

* * *

Даже несмотря на поздний вечер, растревоженные прибытием таинственных визитеров обитатели убежища не спешили расходиться спать.

– Проводи-проводи дедушку, горлица, – привычно бормотал, заглядывая Лере в глаза, местный юродивый по кличке Птах. – Ангелы Господни дланью указующей проведут меня в чертоги благодатные...

Лера шла по коридору, вполуха слушая размеренную болтовню уцепившегося за ее тельняшку старичка. Раньше Птах числился среди самых удачливых добытчиков и постоянно выходил на поверхность. В тот день к Калининграду ушла группа из восьми человек. Вернулся он один – почти через неделю, в лохмотьях и с блаженной улыбкой на постаревшем лице. И никто за все время на поверхности его не тронул – ни зверь, ни человек. Что с ним произошло, одному Богу известно. Кто-то тогда в шутку сказал – Божий птах. Вот и прицепилось.

– Чертоги благодатные, земли обетованные, до которых дойду по барашкам морским, аки Христос... Нельзя плыть! Нельзя плыть! – юродивый неожиданно сосредоточился на какой-то новой мысли. – Птаху видно, народ не знает. Горе! Горе великое...

– Ты о чем это? – не поняла Лера.

– ...закручинится Земля-Матушка пуще прежнего, умоеся слезами горючими. Мир стал безжалостным, а человек – смертным, и воцарилась пустота великая. И небо скрылось, свившись как свиток, и всякая гора и остров двинулись с мест своих. И цари земные и вельможи, и

богатые и тысяченачальники и сильные, и всякий раб, и всякий свободный скрылись в пещеры и в ущелья гор...

– Птах, ты куда? – окликнула девушка неожиданно отцепившегося от тельняшки блаженного.

– Не верь пришедшим, ибо они есть слуги лукавого! Надобно Николе Чудотворному поклончик сложить, – бормотал ковыляющий прочь старик, зачем-то баюкающий левую руку. – Николушка не благословит, не благословит... Ионы во чреве китовом! Нельзя плыть!

Лера почти дошла до небольшой каморки, которую они делили с дедушкой, когда за очередным поворотом чуть не споткнулась о грудку кевларовой брони на полу.

– Дядя Миша, опять? – девушка потеряла за плечо Батона, который, по обыкновению, к вечеру был мертвецки пьян. – Ну, вам же нельзя!

– А, это ты, лисенок? – буркнул мужик и громко икнул. – Чего Птаха-то разорался? Снова сеет свет в подземном царстве? Прометей м-мать...

– Вы упали, да? – протиснувшейся под могучую подмышку Лере с трудом удалось поставить пьяного на ноги. В ноздри резко ударил острый мужской пот.

– Тихо ты, а то расплескаешь, – бессвязно бормотал дядя Миша, опираясь на плечо девушки, которая с невероятными усилиями потащила его по коридору. – Неладное что-то с отрядом этим. Лихое дело задумали. В круиз им, видите ли, захотелось...

– Вы о чем?

– Да делегаты эти калининградские... Странные какие-то.

– Чего, Батонич, опять змия за хвост поймал? – усмехнулся попавшийся навстречу мужичок. – В этот раз хоть зеленый?

– Отвали! – огрызнулась из-под плеча охотника Лера.

Но прошедший мимо острослов был прав. Известный на весь бункер свирепый одиночка по кличке Батон в таком состоянии превращался в податливый мякиш.

– Опять ходили туда? – осторожно поинтересовалась девушка, когда Батон с ее помощью втиснулся в свою холостяцкую каморку и, не раздеваясь, повалился на драный матрас.

– Не дошел, как всегда, – изогнувшись, дядя Миша пошарил под матрасом и достал полупустую бутылку сивухи.

– Дайте! – Лера строго протянула руку.

– Цыц! – отмахнулся Батон и, привычным движением сбив крышку, сделал пару жадных глотков. – Что нас не убивает, делает нас сильнее!

Присев рядом, Лера осторожно провела рукой по изуродовавшей лицо ране.

– Вам очень больно? Хотите, доктора позову?

– Нет, лисенок, мои болячки аспирином не вылечить. Да и от него последние двадцать лет толку – одно название. – Еще раз приложившись к стремительно пустеющей бутылке, добытчик закрыл чудом уцелевшие после первой встречи с буренкой глаза. – Знаешь, а ведь я руки жены до сих пор помню. А до дома так и не дойти: то химза сдаст, то твари ползут. А ведь мне каждую ночь снится, что я домой вернулся, дверь открываю, а мне Димка на шею прыгает. Как котенок, маленький такой... А еще апельсины. Много...

По небритой щеке неожиданно скатилась слезинка, растворившаяся в складках шрама. Этого от вечно задиристого одиночки не ожидала даже Лера.

– А дойти не могу...

– Дядя Миша, вам нужно поспать, – девушка огляделась в поисках одеяла.

– Я тебе, кстати, подарок принес, – неожиданно спохватился охотник. – Вас с Ерофеичем не было, так я его на стол поставил, не ошибешься. Конечно, не ах, но тварей я из-за него знатную кучу положил! Гнезда у них там разбросаны вот такусенькие, а пушка-то у меня во-от такущая...

– Вам нужно отдохнуть, – терпеливо повторила Лера, укутывая мужика ворсистым клетчатным одеялом.

– Спасибо тебе, Лерка, ты настоящий мужик! – пробормотал напоследок добитый сивухой дядя Миша, отвернувшись к стенке. – Одна меня понимаешь. Валера и я. Вале-е-ерия...

Через некоторое время он уже раскатисто захрапел.

* * *

На столе, рядом с моргающей карбидкой, в стеклянной бутылке стоял *он*. Настоящий, живой... ЦВЕТОК. От неожиданности Лера даже перестала дышать и замерла на пороге, боясь ступить в комнату, в сумраке которой таинственно переливались розоватым светом миниатюрные ромбовидные лепестки. Выйдя из оцепенения, девушка осторожно прикрыла за собой дверь и робко подошла к столу. В спертom воздухе комнаты разливался восхитительный сладковатый аромат, источаемый бледно-желтой мохнатой сердцевинной цветка.

– А, вернулась! – выглянул из своей половины Ерофеев. – Тебя тут уже презент дожидается.

– Как красиво! – пролепетала присевшая на краешек скрипнувшего стула девушка. – Деда, а что это?

– Вестимо, что, – усмехнулся тот, разливая по чашкам дымящийся грибной чай. – Цветок. Все честь по чести, я на радиацию проверял. Где его Батон откопал, одному богу известно. На болотах, что ли?

Лера представила себе мерцающий бескрайний ковер где-то там, на поверхности.

– А как он называется?

– Спроси чего полегче, – поставив перед девушкой кружку, Ерофеев подсел к столу. – У природы теперь другие порядки. На тюльпан или розу вроде не похож. Вот и гадай теперь, кто. Цветочек аленький!

– Аленький, – завороченно повторила Лера незнакомое слово.

– Ладно, родная. С днем рождения!

Лера и дедушка чокнулись жестянками кружек.

– Деда, а зачем к нам караван пришел?

– Дело у них к нам серьезное, – прихлебнув из кружки, нехотя ответил Ерофеев. Девчонке совершенно необязательно знать об истинных целях визита гостей.

– Еще бы, – нахмурилась Лера. – Раз они проделали такой путь.

– Да не забивай ты себе голову чужими проблемами! Пусть Совет разбирается, – Ерофеев подлил девушке еще чая. – У тебя праздник все-таки.

– Ой, совсем забыла! Смотри, что мне подарили! – Лера достала из кармана пудреницу.

Дед повертел безделушку в руках, прищурился:

– Ишь ты! Витек расстарался?

– Как же! Я его вообще сегодня не видела. Юрик где-то достал.

– Подрастает, шельмец, – хмыкнул Ерофеич и вернул Лере подарок. – Все вы теперь, как на дрожжах. Скоро своих рожать приметесь.

– Дед, я тебе уже тысячу раз говорила и еще повторю, – Лера сверкнула глазами из-под рыжей челки: – Я эту образину ушастую и за ящик патронов к себе не подпущу! Хватит об этом!

– Ну, перестань, не кипятись. Не все же тебе в девках сидеть, вон уже какая, – примирительно сказал Ерофеев и стрельнул взглядом на лежащий на столе пожеванный томик с названием «Домоводство». – Прочитала?

– Деда, ну это же такая скука! – закатив глаза, простонала девушка.

– Конечно, живность по поверхности куда интереснее гонять. Только тебе давно уже о другом думать пора: как домашнее хозяйство вести, семейный быт налаживать...

– Нет, это тебе нужно. Чтобы породниться с Боровиковым и на Совете получить право голоса. А я? Меня ты спросил? Я сама хочу решать, как мне жить!

– Поверь, так будет лучше для всех, – прихлебнув из кружки, авторитетно заявил Ерофеев. – Я знаю.

– Не знаешь! – упрямо отрезала Лера.

– Опять перечишь? – нахмурился дед.

– В угол поставь! – буркнула та.

– И штаны на коленях заштопай, – Ерофеев оглядел порванные в некоторых местах джинсы девушки. – Ходишь, как неряха.

– А мне нравится! – Лера с вызовом вскинула подбородок.

– У всех родителей дети как дети, а ты...

– Между прочим, я уже не ребенок, а ты мне – не родитель!

– Знаю, – после непродолжительной паузы пробормотал неожиданно сникший старик. Вскочив, Лера подбежала к Ерофееву сзади и, приобняв за шею, чмокнула в щеку.

– Деда, ну прости! Само вырвалось, дура я. Завтра всю посуду перемою и уборку сделаю, вот увидишь!

Ерофеев все не поднимал взгляда, молчал.

– Быстро ты у меня выросла, – наконец покачал он головой и погладил девушку по руке.

– Неправда, – Лера зарылась носом в колючую серебристую бороду. – Я еще ма-аленький-ма-аленький лисенок.

– Ты давно уже взрослая девка, – не поднимая глаз, с грустной усмешкой отозвался тот. – И кусаешься не хуже волка.

– Р-р-р! – довольная, что деда отпустило, шутливо зарычала Лера.

– Ладно, засиделись мы чего-то... Утро вечера мудренее, – сдвинув к центру стола опустевшие кружки, Ерофеев чмокнул скинувшую калоши Леру в макушку и пошаркал на свою половину, прикрыв за собой дверь.

– Спокойной ночи, – расстегнув пуговку и тихонько звякнув короткой молнией, Лера качнула бедрами, вылезая из джинсов.

Она забралась на свой матрас и укрылась одеялом, свернувшись калачиком, поджав ноги.

Опять ему нагрубила. Глупый, дурацкий язык! Но при одном упоминании о свадьбе внутри у девушки все мгновенно воспламенялось от злобы и омерзения. Она открыла глаза и, повернув голову, посмотрела на чудесный подарок одинокого охотника, который по-прежнему источал сладковатый дурманящий аромат. Устав ворочаться в бесполезных попытках уснуть, Лера вылезла из-под одеяла и подошла к столу. Диковинное растение медленно засыпало, складывая мерцающие лепестки в бутон. Лера забралась на стул и, подобрав ноги, уперлась подбородком в острые коленки. Мерцание лепестков волшебными искорками отражалось в ее глазах.

– Ты чего колобродишь, отбой два часа назад был, – в комнату заглянул Ерофеев, спросонья трущий глаза.

– Еще немного, деда, – не отрываясь от цветка, тихо попросила девушка. – Он закрылся почти.

– Насмотришься еще, – проворчал Ерофеич, пряча широкий зевок в кулак. – И так на плантации больше всех вкалываешь, вон, на лице одни глаза остались...

Большущие зеленые Лерины глаза, чуть прикрытые рыжей челкой, были предметом восхищения всей мужской половины убежища.

– Да ладно, – стушевалась девушка, но тут же, оглядев себя, заявила со всей непосредственностью юности: – Я нормально выгляжу. Не хуже других.

– Нормально, – с отеческой укоризной покачал головой снова зевнувший дед. – А ну-ка быстро спать!

В коридоре за стеной послышался неразборчивый гомон. Раздалось несколько коротких фраз, будто отдавали приказы, и дверь в комнату без стука распахнулась.

– Фу-у, чем это у вас... дезинфекцию, что ли, устроили? Да не суетись ты, Лерка, я не смотрю, – загремел с порога заспанный начальник безопасности, за спиной которого по коридору мельтешил возбужденный народ.

– Женя, в чем дело? – сразу насторожился дед.

– Птах! – мужчина оглянулся в коридор и понизил дрожавший голос. – Он их главного порешил!

Глава 2

Мать

Как это обычно и бывает, простое недоразумение, пропущенное через множество словоохотливых языков, разрослось до размеров смертоубийства. Птах действительно пробрался в отведенное гостям помещение в дальнем конце бункера, но не хотел никого убивать. Его целью был прислоненный к стене рюкзак Ежи, туго набитый морскими картами. Аккуратно сложив из них кучу прямо на полу, прикрытом стертым ковром, Птах благоговейно поднес дрожащее пламя карбидки к распечатке фрагмента Антарктики. По счастью, тот был запаян в целлофан и никак не хотел заниматься, а лишь добавлял в воздух помещения специфический привкус горелой химии. Вот на этот запах и прибежал завалившийся было спать Ежи.

Когда Ерофеев и Евгений Сергеевич прибежали к месту происшествия, дерущихся уже разняли.

– Вот, тут два деятеля свалку затеяли, – объяснил ситуацию рослый оружейник Азат, могучими руками поддерживающий за шкирки насупившихся драчунов.

Под левым глазом Ежи набухла длинная царапина, в то время как Птах обиженно размазывал по бороде и усам сочащуюся из носа кровь.

– Этот ваш юродивый пытался карты поджечь! – начальник калининградского отряда злобно ткнул в Птаха пальцем.

– Без карточек-то дорога трудная, неисповедимая, – обиженно мычал всхлипывающий старик. – Не зная пути, до цели не дойти. Нельзя плыть, нельзя!

– Да этим документам цены нет! – выкрикнул ему в лицо Ежи. – Без них мы ничего не сделаем! По морю вслепую идти – что акулам в зубы!

– Слепые, слепые, – снова утерев кровь, улыбнулся Птах. – Ионы во чреве китовом.

– От них жизни людей зависят! – брыкнулся в мертвой хватке Азата Ежи. – Жизни, понял? Слышишь, ты?!

– Перестаньте шуметь, – примирительно поднял руки Ерофеев. – И примите наши извинения. Кто ж знал-то, что Птах такое выкинет...

– Извинения! – пробурчал нахохлившийся калининградец. – Таких в изоляторах держать надо!

– Юра, распорядись, – кивнул своему помощнику Евгений Сергеевич.

Азат отпустил противников, и несколько рослых парней из местных живо скрутили старика, который и не думал сопротивляться.

– Ты, дед, извини, – сказал Ерофеев, – но нам конфликты с гостями не нужны. Придется тебе в одиночке посидеть.

– Посидит, посидит пташка в клетушке, – покорно забормотал уводимый по коридору старик. – Нахохлилась, знай, перышки чистит. Один к одному. Один к одному.

Сбежавшиеся на гвалт зеваки постепенно расходились.

– Еще раз извините, – Ерофеев посмотрел на Ежи, который отодвинул опасную карбидку подальше и бережно укладывал карты обратно в рюкзак. – Вам помочь?

– Не утруждайтесь, – через плечо буркнул тот. – На днях нужно организовать вылазку по окрестностям за необходимым для лодки. Поможете?

– Разумеется. Чем сможем...

* * *

– Вызывали? – буркнул протиснувшийся в дверь Батон, и комнату старейшин тут же наполнила кислая вонь перегара.

– Завязывал бы ты с сивухой, Мишаня.

– Чего надо, спрашиваю?

– Садись, – Ерофеев указал охотнику на стул. – Калининградская группа отправляется к разрушенной базе учебного центра за необходимым снаряжением для лодки. Нужен проводник.

– Сейчас нельзя. Тварь там какая-то в районе старого аэродрома появилась, еще не разобрался, – нехотя отозвался Батон и поскреб подернутую щетиной скулу. – Добытчики ее Матерью окрестили. Буренок да залетных мародеров за милую душу дерет. А чего, там их ферма неподалеку – вот ей и жрачка, и кров.

Животноводческую ферму Пионерска, окруженную лугами, усеянными метровыми цилиндрами тюков из травы, выбирающиеся на поверхность добытчики обходили стороной. Поползли слухи о безмозглых и свирепых курицах размером со страуса и двухголовых боровах с перекрученными телами. Но самыми опасными представителями новой живности в окрестностях фермы стали коровы. Безобидные, греющие сердце русского человека милые пятнистые буренки под воздействием неведомых ядов превратились в хищных тварей с вытянутыми мордами и пастями, усеянными несколькими рядами острых, как бритвы, зубов.

Мясо их казалось съедобным, но после нескольких отравлений и короткой вспышки непонятной сыпи у детей, от него пришлось отказаться. А из вымени у этих чудовищ, по слухам, сочилась настоящая кислота.

– Что-нибудь еще известно? Видели ее? – придвинулся начальник службы безопасности, Евгений Сергеевич.

– Крохи, – пожал плечами Батон. – Кое-кто из пришлых мужиков говаривал, что днем в окрестностях фермы хоть хороводы води да на травке нежься. Но после заката – как вымирает все разом. Идти туда можно только пьяным или если жить надоело.

– А почему Мать? Странное название...

– То-то и оно. Штука одна непонятная. Добытчики-морпехи, что в прошлом месяце к нам из бункера в юго-западной с караваном умудрились прийти, рассказывали, будто раз они к нам мимо старого самолета шкандыбали, на закате. Так вот, почудился им вдруг голос ребенка, а откуда идет – непонятно. Там ведь такие места есть – трава мне до шеи достает. И голосок-то, главное, жалобный-прежалобный, то ли плачет, то ли зовет. А потом, вроде как, женщина тихонько петь начала или рассказывать что-то. Трое на звук пошли – никто не вернулся. Хотя орали так, что пара караванщиков так на месте с обмороком и полегли, а начальник конвоя, спина в два обхвата, в штаны напустил. Может, и брешут, но поди теперь, дознайся...

– Мы тебя за этим, собственно, и позвали, – выслушав охотника, перешел на деловой тон Евгений Сергеевич. – Ты ведь у нас по мутантам спец. Мать там, или Отец – то нам, как говорится, до лампы. Дорогу к складу нужно расчистить, и как можно скорее. Калининградцы Лобачева, вроде, уломали, так что отплывают как только, так сразу.

– Принесла же нелегкая! – буркнул охотник. – Мне что, заняться больше нечем, кроме как сафари устраивать?

– Будешь заниматься тем, чем совет постановил, – сухо отрезал Ерофеев. – Или слабо? Оплата сдельная – цинк патронов. Плюс, я слышал, что у тебя вроде как выпивка закончилась...

У Батона дернулась скула, и он исподлобья посмотрел на собеседника.

– Лерке скажи, пусть через три часа у гермы меня ждет. Сегодня пойдем, – сказал он и, увидев протестующий жест Ерофеева, быстро добавил: – Сроки короткие, вдвоем больше силков расставим. Приманка ее нужна.

– Знаю, вы обычно вместе охотитесь, но сейчас-то случай особый, – сделал попытку дед. – Да у нее и свадьба скоро, ты же знаешь.

– Вот по-особенному учить и буду, а то что-то она у меня на буренках расслабилась. Чем больше зверина, тем больше опыта, – Батон поднялся, и подлатанный скотчем пластиковый стул с облегчением скрипнул. – Надо ведь будет на кого-то все оставлять, когда... если...

– Если хоть один волос, – в какой уже раз пригрозил Ерофеев, прекрасно зная, что девчонка ни с кем из местных не была в такой безопасности, как в компании охотника, – то я тебя...

– Что, по щам надаешь? – поддерживая давно заведенную игру, беззлобно ухмыльнулся тот, прикрывая за собой дверь. – Милости прошу – только, смотри, не нахлебайся.

– Одна она у меня, Миша.

– У меня тоже...

По обыкновению проигравший в перепалке Ерофеев растерянно посмотрел на Евгения Сергеевича. Тот молчал, задумчиво шевеля усами.

В остающееся после работы на грибной плантации время Лера любила возиться на кухне, готовя наживку для силков Батона. Охотник с малых лет брал смекалистую и быстро учившуюся девчонку с собой на поверхность, упрямо отклоняя кандидатуры парней-подмастерий. Со временем черствый смурной одиночка крепко привязался к помощнице, да и Лерка явно тянулась к нему. Ерофеев поначалу дергался, но, увидев, что Батон ей то ли вместо отца, то ли вместо старшего брата, махнул рукой.

Лера и Батон – хрупкая девчонка и изуродованный великан-охотник – были чем-то неувлимо друг на друга похожи и странным образом друг друга дополняли. Может быть, оттого, что оба были сиротами – две потерявшие семью, в одночасье замкнувшиеся в себе души, неосознанно тянущиеся друг к другу...

Ерофеев понимал: сам он отца Лерке не заменит – ни по возрасту, ни по авторитету, ни по отношению. А вот у Батона получится... Получается. А угрюмый здоровяк, навсегда разлученный Катастрофой со своей семьей, видит, наверное, в девчонке своего собственного ребенка... Если бы тот остался жив, если бы мог вырасти, был бы как раз Лериным ровесником.

Нелюдимого и сильно пьющего Батона в убежище терпели только за одно – редкостное умение разбираться с хищными тварями с поверхности. Нет-нет, кто-то из благодарных обитателей бункера совал ему под матрац пару патронов, пока Батон был в очередной отлучке, а иные и шкалика сивухи не жалели. Ясно ведь, что жизнь у мужика не сахар – каждый день в одиночку с чудовищами воевать. Мишу костерили, побаивались, но уважали и берегли.

Но только по силам ли и ему та тварь, что завелась теперь в окрестностях?

* * *

Когда в назначенный час экипированная Лера топталась у преграждающих выход на поверхность гермоворот и привычно налаживала дыхание в заранее натянутом душном респираторе, кто-то осторожно потрогал ее за локоток.

– Возьми, возьми, горлица, – ласково забормотал улыбающийся Птах, вкладывая в ладонь девушки странную изогнутую костяшку. – Счастье тебе дедушка принес.

Долго держать под замком безобидного и уютного старца, к которому все жители убежища давно привыкли, Ерофееву не позволила совесть. Показательные меры приняли, и будет.

– Что это? – Лера с любопытством повертела странный подарок.

– Повстречалась Птаху в странствиях девица с младенцем. Доброго человека горьким плачем звала, – с охотой принялся объяснять старик в своей непонятной манере. – И пришел к ней добрый человек, и говорили они с восхода и до заката солнышка. И не мешали им ни птицы небесные, ни твари земные, но попрыгали да беседу слушали.

– Ничего не понимаю, – растерявшись, выдавила кислую улыбку Лера. – Вы сейчас о ком?

– Принеси его матушке, – заковылял прочь блаженный, заметив подходящего дядю Мишу. – Потеряла его, сердешная, а ты вот верни. Скажи, Птах передал. И поклонись, поклонись девице с младенцем...

– Что, очередные побасенки? – кивнул в сторону ковыляющего прочь Птаху появившийся дядя Миша, и Лера поспешно спрятала странный подарок в карман «химзы».

– Как всегда, – в последний раз проверяя снаряжение, девушка подтянула лямку рюкзака. – Вы же знаете.

– И откуда они только в его голове берутся? – фыркнул Батон, натягивая на голову противогаз. – Ну что, готова?

Лера кивнула.

– Тогда пошли, – двупалой перчаткой дядя Миша махнул караулившей герму охраннику. – Открывай!

Под потолком что-то глухо лязгнуло, и массивные створки с надсадным скрежетом стали неторопливо расползаться в стороны. Стоявшая рядом с охотником девушка вновь ощутила томительное покалывание в груди, с которым за последние восемь лет успела свыкнуться, но так и не сумела побороть. Это был первобытный восторг, смешанный со страхом только вкусившего азарт охоты молодого хищника, в очередной раз вынужденного против воли ступить на территорию врага. Легкомысленный вызов миру, давным-давно ставшему чужим.

Они выходили на поверхность.

* * *

– Ты зачем деду про выпивку наболтала? – угрюмо просипел в фильтры противогаза Батон, наблюдая, как Лера осторожно раскладывает приманку в центре замаскированного губчатый лиловым мхом самодельного капкана. – Вон тот кусок наверх подтяни, аппетитнее выглядит.

– Сейчас-сейчас, – громко шмыгнула носом пытающаяся сосредоточиться девушка. Он сильно зачесался, но надетая на лицо маска не позволяла исполнить сиюминутную прихоть не вовремя раскапризничавшегося организма. Вдобавок аппетитное сырое мясо привлекло к себе полчища возбужденно жужжащих болотных обитателей, так и норовящих облепить стекло респиратора. – Блин, мухи мешают!

– А ты не суетись, не на свидании, – в обычной своей манере неторопливо напутствовал ее опутившийся на колено Батон. – Спокойнее. Сюда вот. Педальку им прикрой, только не дави сильно... Не сильно, сказал! Кисти отрубят – чего делать станешь? Культиями в барабаны бить? Вот так, добро.

– Вы прекрасно знаете, что вам нельзя столько пить, – ободренная похвалой, решила ответить девушка, продолжая работать.

– Ишь ты, в няньки записалась? Подругам своим нотации читай, – беззлобно огрызнулся Батон и тут же прикрикнул на зазевавшуюся напарницу: – Вот здесь пропустила... Не халтурь! Так, первое правило охотника?

– Никогда не теряй бдительность, – тоном ученика, вызубрившего урок, послушно ответила Лера, продолжая привычно месить окровавленное мясо. – Иначе...

– ...сожрут, – в тон ей наставительно закончил охотник. – Каждый раз, когда на поверхности, повторяй это себе, как молитву! Глядишь, и не сожрут тогда.

– Да знаю! Выучила! – девушка подняла голову, и Батон увидел, как за поцарапанным моностеклом респиратора блеснули ее глаза. – Вы тому-то не меняйте.

– Тебе какое дело? Своими проблемами голову забивай! А если выпивку перестанут носить – выпорю, усекла? – с этими словами Батон легонько постучал пальцем в перчатке по стеклу Лериного респиратора.

– Не имеете права! – мгновенно нашлась та. – Вы, дядя Миша, мне не родственник!

– Зато учитель, – приглушенно хмыкнул наставник. – Так что, считай, у нас с твоим дедом воспитательные обязанности пополам. Да и далась тебе моя выпивка!

– Мне просто обидно, что вы совсем себя не уважаете. – Вытерев перчатки о траву, Лера встала с колен и закинула на плечо рюкзак. Охотник остался сидеть рядом с полупустым ведром для приманки. – Вы ведь хороший человек, столько всего знаете, умеете, а как выпьете – в тюфяка превращаетесь. Над вами же смеются все... А вы и не слышите.

– Много ты о жизни знаешь, пигалица... – отмахнулся Батон и некоторое время молчал, тупо смотря перед собой, словно о чем-то задумавшись. Под непроницаемой маской противогаза Лера не могла видеть выражение его лица.

– Хорошо тебе рассуждать, – наконец тихо пробормотал охотник. – Остался я бобылем, вот и озверел совсем. А выпивка... с ней забыться можно, хоть на время. Все не так тоскливо...

– Вы сильный. Вам это не нужно, – твердо ответила девушка, поднимая с земли ведро. – Пойдемте, а то солнце садится.

Старая-престарая башня из красного кирпича, стоявшая у КПП учебного центра неподалеку от изувеченного собирателями цветных металлов еще до войны самолета, покосилась и казалась гигантским воткнутым в снег окурком.

– Привал! – объявил Батон.

Они устроились с подветренной стороны на самом верху, откуда, сквозь лишенные стекол проемы, далеко просматривалась окружающая местность: сметенные корпуса центра, заболоченные пустыри, и сам самолет... Какой-то из первых реактивных перехватчиков, оставленный после расформирования аэродрома. Охотник стянул противогаз со взмыленного лица и, перехватив встревоженный Леркин взгляд, усмехнулся:

– Да не бойся ты, чисто тут. В малых количествах ничего. А подкрепиться надо: кто знает, что за чудо-юдо к нам пожаловало? Может, до самого утра просидим.

До утра – на поверхности!? Девушка поежилась.

– Не бойсь, – подбодрил копающийся в рюкзаке охотник. – Думаю, быстрее управимся. Местная живность под вечер не особо-то кочевряжится, значит, неподалеку она, родимая.

Лера неохотно избавилась от респиратора, с опаской и с облегчением вдыхая сырой, наполненный густыми ароматами неведомых растений болотный воздух, и снова спрятала собранные в хвост волосы под вязаной шапкой с затертым словом, составленным из четырех букв, складывающихся в странное слово «ИИКЕ».

Отчего-то Лера была абсолютно уверена, что это имя. А что еще можно написать на одежде, кроме имени её обладателя? Если потеряется, все будут знать, кому её вернуть. Вот только никого с именем Ника среди обитателей убежища Лера вспомнить не могла. А может, это Ник? Сокращенное от «Никита» или «Николай»? Интересно, что стало с хозяином этой шапки? Кем он был и почему написал свое сокращенное имя *ла-тин-ски-ми* буквами – так их назвал подслеповатый заведующий скудной и неумолимо чахнувшей библиотеки. Наверняка чтобы перед девчонками выпендриться, зачем же еще. Когда Лера спрашивала об этом деда, тот только непонятно усмехался в бороду, что её страшно бесило. Она терпеть не могла загадок.

В прежние вылазки они никогда не задерживались наверху дольше нескольких часов. Но тогда и добыча была попроще. Лере было не по себе. Вдобавок сильно давил на нервы жалоб-

ный скулеж детеныша буренки, которого Батон поместил в центре самой большой западни, на равных удалениях от которой они замаскировали силки поменьше.

Растерянно топтавшееся у пятисоткилограммовой туши самки, из которой с костями был вырван бок, существо, не пуганное людьми, доверчиво пошло на зов охотника и тут же жалобно замычало, пока Батон хладнокровно перерезал сухожилия на тоненьких ногах. Лера было жалко малыша, но перечить старшему она не посмела. Раз для дела, значит, надо.

– А это что такое? – спросила она, оглядывая хрустящие под подошвами маленькие белые кусочки, напоминавшие отточенные водой камешки, в изобилии разбросанные по широкой смотровой площадке маяка.

– Мало ли чего за двадцать лет накопилось, – пожал плечами Батон. – Не бери в голову.

Алый диск солнца, тускнея, катился за горизонт, и по остывающей земле извивающимися узловатыми пальцами медленно поползли первые тени, растворяясь в наступающих сумерках. С интересом оглядывая незнакомую местность вокруг маяка, в окрестностях которого она была впервые, Лера заметила переливающуюся розоватым свечением цветущую лужайку, примыкавшую к плотной стене травы, из зарослей которой доносились вопли невидимой приманки.

– Вы мне откуда цветок принесли? – поинтересовалась она у наставника, когда они устроились на краю площадки, свесив ноги.

– Ага, – Батон ухмыльнулся, с наслаждением почесывая заправший под противогазом, слегка посеребрённый ежик волос. – Не завял еще?

– Пока стоит. Спасибо. Мне такого никто никогда не дарил.

– На здоровье. А что жених? Не балует? Мы раньше своим девчонкам их целыми охапками таскали: хризантемы, тюльпаны, ландыши... розы, разумеется...

Девушка не ответила. Прекрасно зная, да и, чего уж там, разделяя отношение напарницы к предстоящему «торжеству», охотник не стал продолжать. В душе он здорово ревновал Леру к неожиданно замаячившему на горизонте семейному быту, страшась потерять единственного оставшегося человека, который слушал его, доверял и... по-своему любил. По крайней мере, Батон сильно на это надеялся.

– Ты чего грызешь-то? – меняя тему, поинтересовался он, когда Лера достала из своего рюкзака маленький мешочек и, как зверек, аппетитно захрустела сморщенными белыми палочками.

– Грибов засушила. Хотите? – спохватилась девушка и протянула охотнику мешочек.

– Не-е, у меня своя пайка, – отмахнулся тот и стал расшнуровывать рюкзак. – Сколько лет прошло, мир разрушили, повыводились совсем, а вам, молодежи, все бы чем-то хрустеть.

– Это плохо? – поперхнувшись грибом, растерялась Лера.

– Нет, – улыбнулся дядя Миша. – Видимо, вы это друг другу по генокоду передаете. Была до войны штука такая, чипсы называлась. Ее из сушеного картофеля делали... Ну, помнишь пару недель назад на плантации три кило клубней вырастили, мячики такие коричневые... Во-во! Димка мой тоже эту отраву шибко любил. Выпросит у матери этих... лейсов... и хрустит в своей комнате, как хомяк, да «колой» заливают. И добавки были разные – с луком, беконом, сыром. А как начнешь читать, что в них понамешано, так таблицу Менделеева зараз и выучишь. Молодежь!

– А вы как будто молодым не были никогда!

– Не знаю... Мне иногда кажется, что и вправду не был... – глухо ответил охотник, разворачивая тряпицу, в которую был аккуратно завернут его ужин.

– А почему вы в пекарне просите, чтобы хлеб был всегда такой формы? – поспешила перевести разговор на другую тему Лера.

– Ностальгия. Батон столичный. Нарезной, – разломив выпечку пополам, промычал набитым ртом Батон. – Двадцать семь рублей сорок копеек. Перед войной подорожал, правда. Сей-

час-то это все не то, суррогаты. Помню, у нас в соседнем районе пекарня была, там же и продавали. Так пока дойдешь, от одного запаха с ума сойти было можно. А хлеб-то какой! Кирпич «дарницкого» в руках сожмешь, а он распрямляется. Медленно-медленно. А если на него сверху маслица, да килечки. Или под Новый год икоркой присыпать, м-м-м! В общем, батон – лучшее достижение человечества.

Грызущая гриб Лера улыбнулась, наблюдая, как дядя Миша даже зажмурился от воспоминаний. Вкус у местного печива был не ах. Слепленное из кислого теста, замешанное на грибах и щепотке водянистых злаков неопределенного сорта, оно и хлебом-то именовалось только все из той же ностальгии.

– Симфонь, однозначно! – кивнул охотник, снова с аппетитом вгрызаясь в пористую сдобу.

Неожиданно что-то вспомнив, он запустил пятерню в рюкзак, доставая оттуда помятую банку консервов без этикетки.

– Будешь?

– Опять *со-ба-чи*? – Лера брезгливо наморщила носик, вспомнив название хвостато-лохматого животного, которое когда-то видела на картинке. – Бе-е-е! Как это вообще есть можно?

– Ну, извините. Тоже мне, привереда нашлась. Для животных, между прочим, некоторые комбинаты жраку только из лучших продуктов делали.

– Вот именно – некоторые. Фу!

– А для меня мелочь, а приятно, – охотник невозмутимо подкинул банку в руке. – В теперешние времена жировать не приходится, а тут – какое-никакое мясо. Ха! Раньше животину кормили, а теперь сами с удовольствием лопаем!

– Говорите за себя, – Лера брезгливо повела плечами.

– Я и говорю, – невозмутимо согласился Батон, но банку в рюкзак все-таки спрятал. – Очень даже ничего, особенно если по хлебушку размазать.

– Почему вы его так сильно любите?

– Знаешь, как на Руси в старину говаривали: «Хлеб – всему голова».

– В смысле? – покончив с очередным корешком, Лера облизнула кончик большого пальца.

– Хлеб на стол, так и стол престол, а хлеба ни куска – и стол – доска, – замысловато ответил Батон и усмехнулся, увидев округлившиеся глаза девушки. – Пословица такая. Никуда нам, славянам, без него. Даже сейчас вон мастерим потихоньку.

Лера за это и любила дядю Мишу. За странные и замысловатые словечки, за умение вкусно рассказывать. С ним всегда было интересно.

– А вот...

– Тихо, – неожиданно шикнул охотник, подняв руку и перестав жевать.

– Я ничего не слышу, – через несколько мгновений, проведенных в тягучей вечерней тишине, все-таки решилась прошептать Лера.

– То-то и оно. Подранок наш замолчал чего-то, – отложив еду, Батон приник к прицелу винтовки.

Сообразив, что башню действительно окружила тягучая вечерняя тишина, Лера кинула недоеденный гриб в мешочек и поспешно спрятала его в рюкзаке.

– Что он там, дуба дал, что ли? – бормотал не отрывающийся от окуляра Батон, медленно шаря по расстилающимся зарослям травы стволом СВД. – Я ж только жилы подрезал...

– Видите его? – чувствуя, как внизу живота все привычно сжимается в преддверии охоты, прошептала девушка.

– Не-а. Трава высоченная. Или сбежал? В старину волки, пойманные в капкан, даже лапы себе отгрызали, так жить хотелось. Но мы бы услышали тогда. Слушай, ты посиди, я на разведку схожу.

– Я боюсь! – засуетилась девушка. – Можно с вами?

– Сиди, говорю. Ствол взяла?

– Конечно, – Лера проверила кобуру на бедре, в которой дожидался своего часа старенький «макаров».

– В случае чего дашь одиночный. Только в окно стреляй. Я быстро, – охотник натянул противогаз и, перехватив винтовку, застучал сапогами, быстро спускаясь по лестнице.

Оставшись одна, Лера испуганным зверьком вжалась в стену, сжимая в руке вытянутый из кобуры пистолет. Вскоре она услышала, как внизу скрипнула дверь.

Ступив на влажную землю, Батон скинул винтовку с плеча и медленно пошел к тому месту, где был оставлен подранок, фалдами плаща стряхивая на землю обильную пыльцу с мерцающих бутонов цветов. Вокруг царила напряженная тишина. Лишь изредка чавкала упруго проминающаяся под подошвами сырая болотистая земля. Через несколько метров, раздвинув стволом винтовки высокие побеги, Батон вступил в заросли травы.

От лежащего посреди полянки теленка осталась только задняя часть туловища. Встав на одно колено, охотник оглядел нетронутую ловушку и тихо выматерился. Неведомый противник оказался хитрее.

– Объегорила, тварь! – с досадой огляделся Батон.

Кольнуло неприятное ощущение... Будто, выйдя на полянку, он и сам в свою очередь купился – и теперь ловушка расставлена не на неведомую тварь, а на него самого, а тварь эта наблюдает за ним из засады, как сам он наблюдал за поляной несколько минут назад... Будто теперь он не охотник, а дичь, и сам сейчас попался на свою приманку.

В стороне зашуршала трава, и в алеющее небо с испуганным клекотом брызнула стайка какой-то крылатой нечисти.

И вдруг он услышал.

Где-то неподалеку заплакал ребенок. Тоненько, с жалобными всхлипами. Жуткий, леденящий кровь звук, которому давно не было места в этом радиационном пекле.

Оставшаяся в маяке Лера почувствовала, как между лопаток лизнул ее зловеющий холодок. Такой плач она слышала в бункере у соседей за стенкой. Плач человеческого существа, которого не могло быть здесь.

– Хозяйка пожаловала, – Батон медленно встал, не спуская глаз с неподвижной травы.

Знать бы, куда стрелять...

Не вяжущийся с ситуацией жалобный плач пугал и мешал охотнику сосредоточиться. Струящийся со лба пот заливал глаза, ухудшая и без того ограниченный линзами противогаза обзор. Еще раз оглядев землю вокруг ловушки, Батон увидел кровавый след на покрывавшем поляну мшистом ковре, уходящий в заросли травы. В следующее мгновение он с удивлением почувствовал, как в голову, отгоняя прочие мысли, с легкостью проникает что-то иное и невесомое. Еле уловимое. Ноги сами понесли вдоль кромки перепачканного бурой кровью мха. Ощущение было неприятное и никогда ранее не испытываемое, словно его телом сейчас управлял кто-то другой.

Батон, конечно, сто раз слышал рассказы залетных добытчиков о тварях, умеющих подчинить жертву своей воле, загипнотизировать и сожрать, а то и заставить ее убивать своих товарищей, но всегда только посмеивался над этими историями, считая, что даже если такое и бывает, то уж сам-то он точно гипнозу не поддастся.

Вокруг Батона ласково шуршала трава, приветствуя каждый новый его шаг.

Сопротивляться неожиданному порыву не было сил. Да, если честно, теперь уже не очень и хотелось. Охотник с удивлением отметил, как внутри постепенно разливается непонятное уютное тепло, успокаивая напряженные нервы.

Через несколько десятков метров он заметил впереди тухлявый ствол какого-то дерева, на котором спиной к охотнику сидела женщина. В том, что эта была именно женщина, Батон не сомневался.

Хрупкая фигурка, с головой укрытая темной тканью... Одна, без химзы и респиратора? Какого...

Неожиданно плач прекратился, и охотника окружила напряженная, пронзительная тишина.

– Извините, вам помочь? – Батон почувствовал ледяной холод в спине, услышав собственные слова, выталкиваемые из рта неслушающимися губами.

– Наконец-то ты пришел. А то я уже заждалась тебя, сынок...

Сидящая откинула капюшон и повернулась.

Это была его мама... Ее лицо!

То самое, еще не старое, но уже и не молодое. Первое родное лицо, которое он увидел, вернувшись из армии. А еще тогда в их маленькой квартирке была Женья. Все-таки дождалась, как и обещала. А он сомневался, балда, ревновал к сокурсникам. Конечно, они-то выйдут из института перспективными инженерами, будут строить планы, сватать его Женечку. А он кто? Пэтэушник, забритый прямо со школьной скамьи! На филфак не получилось, срезался на русском, а на положенную взятку у матери-одиночки денег не хватило. Да он и не попросил бы. Не посмел.

И вот она стояла рядом с мамой. Тоненькая, кареглазая, светящаяся счастьем. И отшлифованное жестким наждаком дедовщины и солдатских матюков сердце дембеля дрогнуло. Как тогда, в первый раз, когда столкнулись у булочной под проливным майским дождем. Он, потерянный одиннадцатиклассник, без зонтика топтался на пороге со свежесдобитой булкой в руках, не в силах ступить в шуршащую по нагретому асфальту пелену. А у Жени зонт был. Это лицо, обрамленное потемневшими от воды русыми волосами, он запомнил на всю жизнь. И вот мама вернулась, говорит, ждала его. Наверное, и Женечка тут рядом где-то. Это не они потерялись, это он сам плутал где-то столько времени, хорошо, что нашел их наконец... Вот и кончились скитания, и не помнит он даже уже, где столько времени пропадал. Господи, хорошо-то как...

– Мама, – с нежностью пробормотал охотник, делая шаг вперед. – А Женья где? Она придет сейчас?..

– Дядя Миша-ааа!!!

Со стороны башни хлопнул выстрел.

Отчаянный крик разрезал хрупкое полотно воспоминаний, словно хирургический скальпель – старый нарыв. Перед лицом оцепеневшего Батона мгновенно развеялся морок, обнажая страшную харю почти вплотную приблизившегося чудовища.

Может быть, когда-то она действительно было женщиной. Но то, что теперь с гортанным клочкотанием надвигалось на охотника, трудно было назвать человеком. Под два с половиной метра, серокожая, сгорбленная под тяжестью большого, раздутого живота, изборожденного сеткой лиловых вен, словно карта – реками, тварь пружинисто ступала сухими ногами, и когтистые ступни чавкали в сочащемся водой мху. Вытянутый череп с широкими надбровными дугами венчали длинные редкие космы бесцветных спутанных волос. Большие, лишенные зрачков и светящиеся тусклым зеленоватым светом глаза, из которых на болтающиеся, словно у шарпея, щеки стекала какая-то беловатая жидкость, не мигая, смотрели на заарканенную галлюцинацией жертву. То, что Батон поначалу принял за балахон, оказалось длинными складками кожи, свисающей со скрюченных, как у богомола, конечностей. Тварь, похоже, линяла.

Выйдя из оцепенения и вскинув винтовку, Батон выстрелил приближающемуся чудовищу между болтающихся, словно сдутые мячи, грудей. Пуля увязла в складчатой плоти, не при-

чинив существу видимого вреда, но Мать, словно удивившись, приостановилась. В следующую секунду, запрокинув морду в темнеющее небо, она издала скрипучий устрашающий рык. Решивший не искушать судьбу и метнувшийся в сторону поляны Батон успел разглядеть, как складки щек монстра натянулись, плотно обтягивая чудовищные клыкастые челюсти, вытолкнутые из недр перекошенного радиацией черепа.

В нескольких метрах от поляны Мать высоко подпрыгнула. Обернувшийся охотник, вскинув было винтовку, растерянно сделал шаг назад, не ожидая от противника такой прыти, и споткнулся об останки тельника. Пытаясь удержать равновесие, неуклюже переступил ногами и тут же заорал от боли, угодив сапогом в приготовленный мутанту капкан. Выронив винтовку, он повалился на землю.

«Вот и доели тебя, Батон, – промелькнуло в голове. – Одна горбушка осталась...»

Но приземлившееся на краю поляны чудище снова пружинисто оттолкнулось от земли и, перелетев над пытающимся разжать створы капкана человеком, снова исчезло в траве.

– Дядя Миша!!!

Тварь запрыгнула на стену башни, широко раскинув лапы, словно обнимая старого приятеля, и резво поползла вверх. Хрысь-хрысь-хрысь! – жестко царапали крошащийся кирпич могучие когти.

– Лерка, беги!!! – рванув с головы противогаз, заорал Батон.

Острые зубья крепко завязли в толстой коже сапога и с жадностью впились в плоть.

Крик охотника вывел девушку из оцепенения, и она, рванув с пола рюкзак, спотыкаясь, понеслась по ступенькам вниз, на ходу пытаясь нацепить маску. Стук сапог сливался с ритмом бешено колотящегося сердца.

Выбежав на улицу, Лера изо всех сил понеслась к зарослям травы. По коленкам застучали бутоны цветов. Сзади послышался оглушительный треск – несущаяся по пятам тварь с ходу протаранила разлетевшуюся на щепы трухлявую дверь. Откуда-то из зарослей грохнуло несколько выстрелов. Приближаясь к траве, Лера забрала немного в сторону, туда, где был замаскирован один из силков. С разбегу перепрыгнула ловушку и кубарем покатилась по земле от сокрушительного удара в спину. Что-то звонко щелкнуло, раздался скрипучий рык. Спасший от удара могучей лапы рюкзак отлетел в сторону, куда-то упал пистолет. Распластавшаяся среди цветов Лера тут же вскочила и снова грохнулась наземь, когда нечто жесткое и упругое обвилось вокруг ее лодыжки и с силой рвануло назад. Густое облако взметнувшейся от падения липкой пыли мгновенно запорошило стекло респиратора. Скользящая по земле ослепленная Лера испуганно забилась, не зная, с какой стороны обрушится удар. Цеплялась за что угодно, вспенивая пальцами сырую землю, выдирая из нее стебли прекрасных мерцающих цветов, но не имея возможности остановить движение аркана. Тогда девушка перевернулась на спину, протерла стекло респиратора и издала испуганный, тут же проглоченный фильтрами крик.

Лера успела заметить, что на нижней челюсти раззявленной пасти уставившейся на нее Матери не хватает изогнутого клыка. Узловатые руки-лапы перепончатыми когтистыми пальцами нетерпеливо месили землю. Но откуда взялся подтягивающий девушку трос?

Когда беспомощная жертва, наконец, пригляделась, из глаз ее от ужаса брызнули слезы. Из раскрытого, подобно цветку, живота Матери высунулась сморщенная детская фигурка, от раскрытого рта которой к Лериному ботинку протянулся длинный зеленый язык. Природа, изуродованная человеком, возвращала ему уродство сторицей, смешав двух существ в одно.

Абсолютно черные, лишённые зрачков глаза на детском личике отрешенно косили в разные стороны. Гладкая кожа на лбу и щеках бугрилась, словно лицо было резиновой маской, которую надели на руку и медленно водили под ней пальцами. Подтягивающий Леру язык, словно лебедка, продолжал с неравномерными толчками вбираться в детский ротик.

Лера снова закричала и засучила ногами, пытаясь стряхнуть с лодыжки ужасную тварь. Кинула в зубастую пасть камень, зашарила по комбинезону и неожиданно нащупала костяшку,

которую перед выходом всучил ей Птах. Обрамленная спутанными волосами клыкастая пасть нависла над девушкой, и на Леру дохнуло невероятно густым смрадом, который не выдержали даже фильтры респиратора. Кричащая жертва зажмурилась и в последней попытке защититься выставила перед собой руку с острой костяшкой.

И тут все прекратилось.

Трясущаяся Лера с огромным усилием приоткрыла один глаз и, заскулив, вслепую попятилась от пасти, застывшей перед поцарапанным стеклом респиратора. Но тварь почему-то не нападала. Тогда Лера решилась и открыла глаза. Мать глухо рычала, настороженно нюхая костяшку в руке девушки, широко раздувая несимметричные кожистые ноздри. Переведя взгляд с пасти на импровизированное оружие, Лера неожиданно вздрогнула. Врученная Птахом костяшка оказалась недостающим клыком в пасти твари...

Но как?!

Грохнуло несколько выстрелов, и голова Матери взорвалась, с чавканьем разбрасывая вокруг себя ошметки рваной плоти. Отпустив ботинок, жуткий младенец со свистом втянул язык. Забрызганную кровью Леру отбросило на спину.

– Извини за задержку. Никак не мог решить, какая голова главнее, – мрачно пошутил подошедший Батон. Он протянул девушке руку и легко поставил ее на ноги. – Ты ее чего, загипнотизировала, что ли?

– Она свой клык учуяла, – Лера показала ему костяшку. – Мне ее Птах перед выходом дал.

– Действительно, подходит, – удивленно пробормотал дядя Миша, приставив костяшку к нижней челюсти монстра, которую не задело выстрелом. – Это что ж он его, голыми руками, что ль? Чудеса какие-то! Прямо Рэмбо старикан наш!

– Кто?

– Был в старину такой умелец... Во дает дед! – хмыкнул Батон, и Лера различила в его голосе нотки уважения. – Он вообще-то раньше ладным бойцом был. Но чтоб это... не с рога-тиной же он на нее пошел? Чудеса...

– Вы ранены! – тут только Лера увидела, что на одной ноге охотника не было сапога, а застиранная портянка насквозь пропиталась бурой кровью.

– До свадьбы заживет, – дядя Миша пошарил среди цветов, раздвигая уцелевшие в схватке бутоны стволом СВД, и поднял выроненный Лерой «макаров». – Главное, кость не сломана, а мясо зарастет.

Припадая на раненую ногу, Батон подошел к осевшей в неуклюжей позе фигуре Матери и с аккуратностью киллера выстрелил в лобик головы-уродца. Лера зажмурилась и отвернулась, ее знобило. Убрав пистолет, дядя Миша проверил магазин винтовки.

– Надо же, последним патроном я ее. В рубашке ты, Лерка, родилась. Точнее, в тельняшке, – Батон усмехнулся, прислонил винтовку к спине Матери и, достав из голенища оставшегося сапога зазубренный нож, стал деловито отпиливать поникшую голову младенца. – Гнездо у нее в башне было, поэтому она к тебе и ломанулась. Территорию защищать. Там же по всему полу кости перемолотые разбросаны, я только потом догадался.

Стараясь подавить ударивший в горло рвотный спазм, Лера снова отвернулась, вперив взгляд в мерцающую поганку на изогнутой ножке.

– Как там было у классика: «Даже счастье всего мира не стоит слезинки ребенка», – послышался из-за спины голос дяди Миши, обретший привычные невозмутимые нотки.

– Это из книжки? – необычная фраза заинтересовала девушку, и она посмотрела на свежавшего добычу охотника. К счастью, за широкой спиной охотника почти ничего не было видно.

– Ага. Был такой замечательный писатель, Достоевский, – откликнулся продолжавший пилить Батон. – Психолог и умница. Про бесов и грехи человеческие сочинял. Эх, его бы сейчас

сюда! На нынешние чудеса да бесов бы поглядел. Теперь они повсюду кишат, счастья в мире нету, да и дети, гляжу, непутевые пошли. Ну, ухнем!

С этими словами Батон несколько раз намотал высунутый из детского ротика язык на перчатку и с громким хрустом оторвал голову от туловища мутанта.

– Без гостинца неудобно, – пояснил он, свободной рукой вытирая нож о траву. – Да и не поверят ведь.

Почувствовав новый приступ тошноты, Лера зажмурилась. В густеющем вечернем воздухе слышался далекий протяжный вой. Через некоторое время ему ответили с противоположной стороны. Только на этот раз звук был намного ближе.

– Тикать нам пора, – заключил Батон, закинув винтовку на плечо. – Силки я уж завтра сам соберу. Ты и без того вся в кровище. И хорошо еще, что в чужой...

Подобрав рюкзак, Лера побрела за наставником, вяло перебирая ватными ногами. Когда они подходили к замаскированным воротам убежища, фигуры девушки и охотника перестали отбрасывать тени. Сумерки переходили в ночь.

* * *

– Получите и распишитесь! – на стол перед оторопевшими Ерофеевым и Евгением Сергеевичем бухнулась отрезанная детская голова.

– Эт-то еще что? – с ужасом пролепетал старик.

– Простите за каламбур, завалили мы вашу Мать. Такие мультики показывала – закачаешься. А это – дитенок ее.

– Сюда-то зачем приволок?!

– А потому что началось бы: «чем докажешь?», да «чем докажешь?»... Знаю вас!

– А где остальное? – не к месту спросил напуганный Евгений Сергеевич.

– А ты пойдешь, родной, сам дотащи. У маяка лежит. Но там неаппетитно выглядит, если бы я сюда эту дрянь припер, у баб у наших выкидыши бы послушались со страху... В общем, пусть ваши залетные калининградские щеглы в свой поход собираются и уматывают поскорее. А то уж больно мне рожи их не нравятся...

– Я передам, – Ерофеев облизнул пересохшие губы, не сводя глаз с головы чудовища. – Женя, распорядись, чтобы эту дрянь сожгли. Лучше, чтоб Азат: он не из болтливых, а нам сейчас лишние слухи ни к чему. Спасибо, Мишаня, выручил! Я распорядился, плату тебе в комнату уже отнесли.

– Не за что.

– Ты ранен? Сходи в медпункт. Мало ли, какая зараза...

– Зараза к заразе не липнет. Да и ничего там серьезного. Царапина. До свадьбы заживет, – устало бросил через плечо выходящий из комнаты Батон. – Если, конечно, лису свою строптивую уломаешь.

Дико хотелось напиться.

* * *

За изгвазданную «химзу» ей конечно же всыпали по первое число, а потом загнали в баню. И теперь Лера подставляла лицо чуть теплым струйкам воды, лившимся из пристроенной под потолком лейки, которую нужно было приводить в действие подергиванием отполированного множеством рук деревянного набалдашника на тонкой цепи.

Вода, щекоча кожу, неторопливо сбегала по шее, груди и животу, и девушка понемногу успокаивалась. Потом она остервенело терла себя кое-как намыленной ворсистой губкой, пока кожа не покраснела и не стала зудеть. Напряжение постепенно отступало.

Дома. В безопасности.

Завтра девчонки на грибной плантации с открытыми ртами будут слушать ее рассказ, а значит, день пройдет нескучно. Обернувшись в коротенькую простыню, в приятной рассеянности Лера с ногами забралась на пахнущую самодельным мылом деревянную скамью. Вспомнилась услышанная когда-то от деда поговорка: «Чистота – залог здоровья». Нынешние жизненные условия и вовсе возводили нехитрую фразу в заповедь, особенно для женщин. Лера провела пальцами по точеной лодыжке, которую, извиваясь спиралькой, опоясывала короткая вереница покрасневших точек – следов жуткого языка мутанта. Девушка поежилась. Несмотря на окружающий ее жар, воспоминание о сегодняшнем поединке с мутировавшей тварью вновь бросило в холод. Нужно будет заглянуть в медпункт. Главное, чтобы дед не заметил, а то будет переживать, да и дяде Мише обязательно влетит, что не уберег.

По пути из бани домой ей, как назло, попался въедливый наследник клана Боровиковых, Витек, – долговязое, лопоухое существо с россыпью прыщей на отъезтых щеках.

– Куда же ты, суженая! – окликнул парень, когда Лера, вовремя завидев его, свернула в боковой коридор и быстро зашагала прочь.

– От тебя подальше, – девушка отстранилась от скалящейся хомячьей физиономии, дышащей сивухой.

Бесцеремонно приобняв Леру за талию, Витек прижал девушку к стене.

– Намылась, чистенькая! И пахнешь, как цветок, – ележно зашептал он, норовя облапиться Леру пониже спины. – Ты эти стариковские байки про то, что до свадьбы нельзя, на ум не бери. Давай сегодня со мной?

– Пусти! – злобно прошипела девушка.

– Посидим с ребятами, выпьем. Шкура гитару починил, – жилистая рука с кривыми пальцами потянулась к обтянутой тельняшкой высокой груди. – Потом можно ко мне. Родаков на посиделку к соседям зазвали.

Как жаль, что оружие сдавалось при входе в убежище! Она бы сейчас с огромным удовольствием размазала кретинские мозги Боровикова по потолку коридора или чиркнула бы ножом по гусиной шее с отвратительно колыхающимся кадыком. А там – будь что будет!

– Пусти меня, дурак! У тебя одно на уме! – Лера вывернула шею, не давая губам парня дотянуться до ее щеки.

– Не, ну ты чё такая дикая, а? Я же с тобой ласково, уважительно... – почему-то обиделся разогретый самогоном жених. – Гляжу, ты со своими мутантами на поверхности совсем озверела. Хотя вообще-то мне это по-кайфу, очень заводит. Дай только поженимся – быстренько тебя приручу, вот увидишь...

– Имбецил! – вовремя употребив подвернувшееся слово из запаса, щедро пополняемого дядей Мишей, Лера от души впечатала парню колено в пах.

– Уй, блин!.. Ты чего, дура? – жалобно заскулил скрючившийся Витек.

Не удостоив его ответом, девушка быстро пошла по коридору.

– Как ты ни кобенься, а лучше меня все равно не найдешь! – неслось ей вслед. – Да и дедушке твоему без моего бати так до конца дней слова на сборах не вякнуть! Ничего, после свадьбы за тебя возьмусь. Все припомню! По струнке ходить будешь!

– Иди буренку подои... суженый! – обернувшись, презрительно выплюнула Лера, не сбавляя шага.

Все-таки облапал, гад! Хоть снова в баню возвращайся. Неужели это ее судьба? Дурацкие, поганые правила, придуманные старшими! Думают, за нее можно все решить. А вот хрен вам всем!

Проходя мимо приоткрытой двери в жилье начальника безопасности, она по обыкновению хотела заглянуть и пожелать спокойной ночи, но, прислушавшись к доносящимся изнутри голосам, замерла перед дверью.

– ...не знаю. По мне, так эта затея с лодкой – чистая авантюра!

– Не зря же мы с Тарасом обучали новую команду. Как чувствовал, что еще может пригодиться наш «Ванюша». Через неделю выходим, – затаившая дыхание Лера узнала голос капитана Лобачева. – Ежи говорит, дольше тянуть нельзя. Как раз в Антарктику к зиме успеем.

– Но ведь свадьба Леркина через две недели, – вступил Ерофеев. – Может, погуляете, да и с богом? Событие-то, какое!

– Нет, – твердо ответил Лобачев. – Ждать нельзя. Завтра – поход на базу, а через неделю – отчаливаем. Если эти ребята правы, то мы действительно можем помочь всем выжившим на планете. Нет сейчас более срочных дел, понимаешь?

Антарктика!

Ноги сами понесли Леру в свою комнату. Неприятную встречу с женихом словно щелчком вытолкнули из головы. Лодка уходит через неделю, а ненавистная свадьба – через две! Лера вытащила из-под подушки снимок родителей. А может, ее судьба будет другой?

– Прости, деда, – решительно прошептала Лера, вставая на цыпочки и сдергивая с веревки над кроватью лоскутки нехитрого самодельного белья, которое, исколов пальцы в кровь, научилась шить из старых тельняшек и прочего бесхозного тряпья. – Свадьбы не будет.

Плотно закрыв дверь и вытащив из-под кровати запасной рюкзак, она принялась собирать вещи, стараясь не шуметь. А управившись, долго не могла заснуть.

– Ну, что ты все колобродишь? – потер слипающиеся глаза показавшийся из-за перегородки Ерофеев.

– Не спится, деда, – отозвалась из сумрака возящаяся с чайником Лера, наливающая в кружку воду. – Ложись, не обращай внимания.

– Случилось чего?

В несколько глотков осушив жестянку, девушка вернулась в смятую кровать.

– Монстр из головы не идет. И как дядя Миша не боится, раз за разом...

– Рожать тебе пора, а не на эти страсти глядеть! – покачал головой Ерофеев, исчезая за переборкой. – Спи.

Но стоило укутавшейся одеялом Лере закрыть глаза, как перед ней снова вставало отрешенное детское личико с бугрящейся кожей, в ротик которого неторопливо вбирался неимоверно длинный язык. Еще в раннем детстве, когда ей становилось страшно, девушка начинала мысленно рассуждать сама с собой, и от этого всегда становилось легче. Чего она трусит, в самом деле? Все давно закончилось. Дядя Миша убил тварь, а Лера цела, лежит в своей кровати...

Лере вспомнилось, как однажды кто-то из подруг мрачно пошутил: дескать, добытки и охотники навряд Батона – это рыцари, а мутанты – драконы. Да, они все сейчас живут в кошмаре, только не выдуманном, а настоящем, и очень-очень страшном. Думали люди двадцать лет назад, какой мир завещают ее поколению? Вряд ли. Да и о чем, вообще, способны думать люди, с легкостью превратившие поверхность в отравленную пустыню, присыпанную пеплом давно исчезнувших городов, с которым изредка водил хороводы все такой же беззаботный ветер.

Ветер. Кое-кто из ее подруг даже понятия не имел, что это такое. То есть, знали, конечно, по рассказам других, но чтобы ощутить его кожей... Все-таки как хорошо, что Лера однажды встретила дядю Мишу. Точнее, приготовила лучшую приманку, тем самым победив в негласном конкурсе на расположение необщительного одиночки.

Она улыбнулась, не открывая глаз, вспомнив, как однажды битый час пыталась объяснить непонятливому Юрику, что такое туча.

Да-а... Повезло ей.

Непобедимый рыцарь Батон, победитель драконов, и его отважный оруженосец Валерия Степанова...

Лера так широко зевнула, что даже зажмурилась. Мысли путались, плавно превращаясь в вязкую патоку. Еще через некоторое время свернувшаяся калачиком девушка мягко провалилась в объятия сна.

Глава 3

Море зовет!

После того как Ежи и Марк на скорую руку ввели обитателей убежища в курс дела, на срочно организованном Совете старейшин стали обсуждать два самых насущных вопроса – еды и электроснабжения.

– Грибная плантация от реактора уже пятнадцать лет работает, – разводил руками начальник отдела питания. – А овощи? С ними как быть? Им круглосуточный уход нужен.

– Ваше руководство доложило, что автономной системы жизнеобеспечения хватит еще... – Ежи мгновение колебался, встретившись с цепким взглядом сидящего во главе Совета Боровикова. – Надолго.

– Надолго это на сколько? – спросили из зала.

– Вернуться они точно успеют, – степенно ответил Боровиков.

– А с отоплением как быть? – подняла руку худенькая девушка с запавшими глазами. – Нам детей в яслях морозить нельзя.

– Товарищи, все решаемо, – примирительно подняв руки, успокоил глава старейшин. – Все вопросы по мере поступления.

– Почему вы уверены, что в этой Антарктике вообще что-то есть? – снова поинтересовался кто-то.

– Да что ж они все об одном и том же, – коротко переглянувшись с Ежи, с досадой пробормотал Марк. – Расселись тут, как на пресс-конференции.

– Как уже было сказано ранее, – стал терпеливо отвечать тот, – в нашем распоряжении оказались ценнейшие документы и карты, указывающие на возможное местонахождение хранилища искомого вируса.

– Вот именно, возможное! Документы... А вы и расселись, уши развесили, ага, – с заднего ряда поднялась дородная бабища с пороссячьей мордой и, подбоченившись, воинственно оглядела присутствующих. – Лодку они нашу стибрить захотели, вот что я скажу, ага! А вы свою заведите, а на чужое не зарьтесь!

– Да нет же... – смутился под неожиданной атакой Ежи. – Говорю вам, миссия у нас. Люди в вопросе подготовленные. Я, к примеру, бывший аспирант Гданьского медицинского университета.

– Аспирант он... Тогда документ за подписями кажи, – делая ударение на последний слог, продолжала наседать толстуха, уже прорываясь к столу старейшин. – А то знаем мы таких, слышали, гастролеры какие-то, ага. Мы вам не профуфырки какие-нибудь, а жены офицерские! Давай сюда!

Видя растерянность калининградских гостей, прохрустывающее грибом дородное бабье племя, рассеявшееся на галерке, поддержало товарку одобрителем гомоном.

– Ты Михална, раньше времени-то воду не кипяти, – осадил крикунью Ерофеев.

– А ты, Ерофеич, тоже хорош, уши развесил, ага, – Михална грозно нависла над председательским столом. – Мы даже толком не знаем, что они за птицы такие!

– Ладно-ладно, покажи ей, – как от головной боли поморщился Ежи и кивнул сидящему рядом Марку. – Не отстанет ведь.

– Нукась посмотрим, ага. Так, от временно исполняющего обязанности командующего калининградской группировкой западного военного округа генерала Федотова. Официальная просьба... – послуниев палец, толстуха развернула протянутый Марком лист и, чуть шевеля мясистыми губами, стала быстро читать. – Мужики, вы же солдаты, вы же давали присягу... знаю, нет больше той страны, но спустя столько лет в Приморске, настоящее чудо... О-о-ой

бабоньки! – не добравшись до конца, пронзительно заголосила она, прижимая руки с комкатым письмом к груди. – Че ж это делается-то! Мужей-то наших забирать пришли-и, ага!

– Вы что делаете! – вскочил со своего места Ежи. – Это же официальный документ! Верните сейчас же!

– Охолопись, курица! – не выдержал вскочивший с места Тарас, рослый плечистый мужик с густыми висячими усами. – Чего перед людьми позоришь!

– Не пуцу-у! – решительно скатившись с возвышения, на котором располагался председательский стол, толстуха с воем вцепилась в нахмурившегося мужа. – Тридцать лет боками терлись, пацанье сопливое, куда я одна-а-а! Пусть забирают свою лодку и катятся к черту на рога!

Подруги Михалны тут же возбужденно завохотали, словно куры на насесте. В небольшом помещении поднялся возмущенный гвалт.

– Тихо, товарищи! – повысив голос, Боровиков звонко застучал по столу подвернувшимся под руку дыроколом.

– Посмотрите на себя! – поднявшийся Ежи повысил голос, стараясь перекрычать царящий в помещении кавардак. – Расселись тут, как у Христа за пазухой.

– Да уж сидим, не жалуемся, ага! – окрысилась по-прежнему не отпускающая Тараса Михална.

– Так и помирать будете, как кроты? А дети? Хотите, чтобы они, а потом и их дети, так под землей дальше и гнили?! Это ведь шанс не только для нас, но и для остальных выживших!

– Да нету больше никого, уж поверь, братуха! – из середины помещения пробасил начальник местной группы добытчиков. – Не за кого больше задницу рвать, финита! Отстрелялись!

– Но мы-то ведь как-то к вам пришли? – повернулся к явно подвыпившему мужику Ежи.

– А это, между прочим, тоже странно, – не сдавался тот. – Последняя группа до Калининграда дойти пыталась, так только Птах через неделю вернулся и то – того, умишком тронулся. А вы тут, отте на – как снег на голову! Живы-здоровехоньки – принимайте хозяева-дорогие! Уж не мародеры ли из дачных районов?

В поисках поддержки Ежи переглянулся с сидящим Марком, который с возрастающим беспокойством следил за перепалкой.

– Прекратите шуметь, перетопчемся! – снова прикрикнул Боровиков, выводя разговор из опасного русла. – Они не на десять лет уходят! А так, глядишь, и получится чего. В конце концов, если техника есть – почему не попытаться? Наша лодка, может, теперь одна-единственная во всем мире осталась.

– Не хотелось бы в это верить, – мрачно пробормотал сидящий рядом с ним Лобачев.

– Мое слово последнее, – тоном не терпящим возражений подытожил Боровиков. – Начинать готовить экспедицию!

Стук дырокола возвестил об окончании заседания.

* * *

– Это точно все? – Ежи оглядел собравшихся в тесной квартире капитана людей.

– Да. Собрали самых сильных. Значит, так, мужики, – Лобачев еще раз внимательно оглядел сидящих за столом. – Если кто откажется, пойму. Дело такое, сами понимаете. Но решать все-таки надо. И быстро.

– Я пойду, – из-за стола поднялся Тарас. – Ты меня, Юра, знаешь, я тебе в любой ситуации пригожусь.

– Спасибо, Тарас, садись.

– Допустим, мы доплыли, – поинтересовался Савельев – заводила и весельчак, тридцатилетний сотрудник метеостанции. – Какие условия ждут нас там?

– Средние температуры зимних месяцев колеблются от минус шестидесяти до минус семидесяти градусов...

– Да это ж охренеть как холодно! – не выдержал кто-то.

– Ну да! Говорят, плюнешь там, а до земли ледышка долетает!

– ...летних – от нуля до минус пятидесяти, – проигнорировав восклицания, закончил Марк.

– Нам потребуется огромное количество теплой одежды, – Лобачев покачал головой.

– Со снарягой проблем не будет, – заверил Ежи. – У нас все с собой.

– Хорошо. Что дальше? Сколько времени займет плавание? – снова спросил Савельев.

– Раньше с нашей техникой можно было в срок меньше месяца уложиться, – ответил Лобачев и оглядел сидящих за столом. – Сейчас – не знаю. Одному богу известно, во что за двадцать лет успели превратиться моря и океаны и какая живность теперь там обитает. На вашем месте я бы готовился к самому худшему.

В комнате зашелестел возбужденный шепоток.

– Даже месяц запросто так из кармана не вытащишь, – покачав головой, ответил сидящий напротив Савельева добытчик по кличке Доза. – А у меня жена, сынишка только родился. Как я их оставляю? Да и если всех крепких мужиков заберете, в убежище-то помогать да работать кто останется? Птах с бабами?

– Еще раз повторяю, – затянулся самокруткой сидящий во главе стола Лобачев. – Насильно никого не тащат. Каждый решает за себя.

– А провизии и припасов на обратный путь хватит? – насторожился пристроившийся в уголке Азат.

– По нашим расчетам – вполне, – кивнул Марк.

– От этой экспедиции зависит много жизней, мужики, – Лобачев выпустил из ноздрей сизые струйки дыма. – И наши с вами тоже.

– Да она ведь у черта на рогах, Антарктика ваша! Я у дочки в атласе посмотрел.

– Но это же круто! – Савельев с азартом оглядел сидящих за столом. – Неужели вам неинтересно поглядеть, что там – за горизонтом? Сидим тут в четырех стенах. Мы же целый мир спасать отправляемся. О нас легенды будут складывать! Я с вами, капитан.

– Эх, молодо-зелено, – печально покачал головой кто-то.

– Хорошо. Кто еще? – продолжал набирать Лобачев.

Одна за другой над столом поднимались неуверенные руки.

* * *

К великому удивлению Батона, вылазка с калининградским отрядом оказалась не бесполезной. Охотник поначалу бузил и отпирался, не желая идти в проводники к сформированному отряду – мол, что на мне свет клином сошелся, других мало? Нашли экскурсовода! Но пара бутылок отличной магазинной водки из личных запасников Ежи перетянули чашу весов. Батон сдался – раз такое дело, устроим туристам сафари.

С погодой подфартило. Было облачно, зато без дождя. Да и ветер поутих. В центре отряда тарахтел старенький мотоблок, за которым волочилась подсакивающая на кочках пустая таратайка. Батон хмыкнул в фильтры: калининградские явно были настроены на хороший улов. Живность хоть и показывалась, но нападать на хорошо вооруженную, издающую странный вибрирующий звук группу пока не решалась.

Через несколько часов после выхода в одном из домов обнаружили бомбоубежище, в которое вела винтовая лестница. Но спуститься не получилось – все было затоплено водой. На гладкой поверхности одиноко плавала оторванная кукольная голова.

В соседнем доме, на ошетилившемся пружинами диване, съжились обнявшиеся скелеты. Погреб был уже кем-то вылизан начисто.

– Насмотрелись? – поинтересовался Батон, когда все вышли на улицу. – Или еще чего изволите? Может, на ферму, молочка парного?

– Ты нас не торопи, – усмехнулся Ежи. – Нужно как следует все осмотреть. Чай, не на два дня уходим.

– Чего веселишься, бензюка в бачке – кот заплакал, – охотник кивнул в сторону мотоблока, который начинал нехорошо кашлять и периодически глох.

– Не бойсь, успеем, – уверенно сказал калининградец.

Ближе к вечеру порядком подуставший отряд добрел, наконец, до разрушенного военного лазарета учебного центра.

– И вот сюда мы шли? – оглядев покосившиеся руины, хмыкнул Батон. – Да местные тут давным-давно каждый кирпичик обшарили.

– Уверен? – хитро подмигнул Ежи.

Батон лишь пожал плечами.

Благодаря планам калининградской группы, после недолгих поисков в подвале обнаружилась заваленная кирпичами и мусором массивная дверь из нержавеющей стали, снабженная кодовым замком и покрытая пушистым слоем пыли толщиной в палец. Удивительно, но Ежи знал код.

В огромном, уставленном стеллажами схроне оказалось такое количество различных медикаментов, что их хватило бы Пионерскому убежищу не на одно поколение. И самое главное – практически все препараты были в отличном состоянии.

– Интересно, а аспирин тут есть? – со скрытой надеждой поинтересовался Батон.

– Найдем мы твой аспирин, – Ежи с благоговением оглядывал разложенные на нескончаемых стеллажах коробки с бирками.

Пока богатства перетаскивали в таратайку, Батон, устроившись в сторонке, по обыкновению жевал свой хлеб.

– За одну ходку не управимся, – оценил ситуацию остановившийся рядом Ежи. – Придется побегать туда-сюда.

– Дерзайте, – откликнулся охотник, не переставая жевать.

Настроение у отряда заметно улучшилось. По дороге домой даже постреляли разинувшую было пасти стаю буренок.

* * *

– И с чего Люську так разнесло? – поинтересовалась Лера у своего испещренного трещинками лица, отражаемого множеством различных зеркальных осколков, замысловато склеенных между собой.

Тоненькая девушка, на которой безразмерное свадебное платье висело, словно складки парашюта, придирчиво смотрелась в огромное широкое зеркало во всю стену, от пола до потолка. На примерку в швейную мастерскую, расположенную в нижнем ярусе убежища, болтливые, сердобольные подружки все-таки уговорили прийти, из-за чего пришлось пожертвовать вылазкой с дядей Мишей. Ничего, вечером она у него все выпросит.

– С быту, да с детей. Она ж поначалу тоже как ты была, о! – несмотря на дурацкое настроение, Лера невольно улыбнулась, когда перед ее лицом возник сморщенный мизинец. – А уж потом вширь пошла. Да не вертись ты! В талии не жмет?

– Нормально.

– Фигуристая ты, Лерка, уродилась, – пристроившись за спиной девушки, швея баба Дина проворно завозила со шнуровкой корсета. – В мамку, небось.

– Будет вам. Ой! – от неожиданного укола хватанув ртом воздуха, девчонка зажмурилась и закусила губу.

– Потерпи-потерпи, – невозмутимо возилась с платьем баба Дина. – Главное скажи, когда совсем уж тяжело дышать будет. Мне его сейчас максимально ужать надо, чтобы разметку для перекройки сделать. Поди, замуж-то хочется?

– Да не очень, – Лера встретила со своим взглядом в отражении зеркала.

– Все вы так говорите, а потом за мужем хвостиком с горящими глазами ходите и прям светитесь!

– Баба Дина!

– Молчу-молчу! Так, повернись-ка.

Платье хоть и было ношеное-переношеное, но зато самое настоящее. Сшитое еще ТОГДА. Через несколько лет после войны в убежище собирались играть первую свадьбу, и родители невесты захотели, чтобы все прошло честь по чести. С фатой и бросанием букета, значит. Поэтому кому-то из лихих новоиспеченных добытчиков был сделан небывалый заказ – принести с поверхности свадебное платье. С гардеробом жениха было попроще – пара-тройка костюмов кое у кого имелась.

Отправленного черт знает куда разбитного инженера-самоучку Пашу Васильева, который никогда никому не отказывал, не было долго. Почти четыре дня. А когда его уже мысленно похоронили и плеснули сверху стопкой сивухи, улыбочивый парень неожиданно вернулся. И принес платье. Пронзительной, слепящей глаза, непонятно каким образом сохранившейся белизны. С корсетом и тремя широкими, спускающимися до пят воланами, с воздушными тюлевыми рукавами и фатой. Чудо, а не наряд. Да и свадебку сыграли ладно – с песнями, плясками и обязательной дракой – пользуясь случаем, до краев нагрузившиеся сивухой добытчики под конец отвели душеньку.

Потом гости протрезвели, молодые принялись налаживать семейный быт, и жизнь в убежище вернулась в прежнее унылое русло. А вот платье ждала своя, особенная судьба. Как и все, случающееся в первый раз, подземное бракосочетание надолго запомнилось. И когда еще через год среди молодежи назрел новый союз, родители невесты выкупили наряд у последних владельцев. Зачем на добытчика тратиться да и гонять мужика почему зря, когда вот оно, у соседей, вполне себе сносное и им совершенно ненужное? Сделка состоялась – за весьма и весьма значительную, по новым меркам, цену. Но разве счастье дочери патронами измеришь? И вот уже много лет платье передавалось из семьи в семью, неся на себе отпечатки множества невест, постепенно снашиваясь и тускнея.

Так в убежище родилась первая традиция.

А еще про платье ходила легенда. Пристроившиеся где-нибудь в уголке сморщенные старушки, словно в старину семечками, хрумкали тертым сушеным грибом и пугали очередную вылупившую глаза невесту необычным свойством наряда. Во-первых, говорили, что иногда оно... еле заметно светится. Притом – только в ночь накануне свадьбы, и не у всех. Дескать, если невеста ночью проснется и увидит сияние – быть браку крепкому, а дому сытому. Не будет светиться – задуматься надо. И вот накрученные рассказами дурехи накануне торжества не спали всю ночь, испуганно глядясь из-под одеял на висящее в сумраке платье. И ведь действительно, у кого-то светилося, а у кого-то нет. И действительно лепились крепкие семьи с детьми и достатком, а где-то брак разваливался, словно плохо склеенная ваза, всего через несколько дней.

Так родилось первое поверье.

– Ох, и растете вы, оканные! – всхлипнула возящаяся за спиной девушки швея. – Раньше-то дед на работу уйдет, приду с тобой посидеть, так «Баба Дина! Баба Дина!» и на ручки бросаешься. От пола два вершка. А теперь? Скоро уже свои побегут, как грибы по осени.

Лера вздрогнула. Впивающийся в грудь корсет напомнил ей хваткие объятия тины-ползунка, в которую она угодила в одну из своих первых вылазок с дядей Мишей.

– Уколола? – испугалась баба Дина.

– Ничего, – совладав с дрожью, успокоила девушка. – Непривычно просто.

– Подосиновик ты мой! – вздохнула баба Дина, ласково погладив будущую невесту по спадающим на кружева огненно-рыжим волосам.

Посмотрев на свое отражение, растрескавшееся, словно написанная маслом старая картина (она видела такие в книгах), Лера снова вспомнила не дававшее ей спать слово. Конечную цель, к которой отправлялась лодка. Слово, донесшееся в спину, когда она пару дней назад отошла от двери Евгения Сергеевича, и которое заставило ее замереть.

Антарктида.

Родители, которые без вести пропали двадцать лет назад.

Лера так до конца и не разобралась в причине порыва, побудившего ее собирать рюкзак. «А как же дед? А дядя Миша?» – думала она, наблюдая за медленно увядающим цветком, который продолжал тускнеть, несмотря на то, что девушка по несколько раз на дню меняла воду. Как нелюдимый одиночка Батон, все эти тоскливые годы заменявший ей отца, будет охотиться без нее? Конечно, по большому счету, закаленный в вылазках охотник уж точно не пропадет. Он ведь в одиночку отстреливал разных гадин задолго до того, как к нему присоединилась непоседливая рыжая девчонка. Только будет скучать, одиноко карауля в засаде, и вспоминать ее, пережевывая кислое тесто своих обожаемых булок. Лера очень надеялась, что будет. Пока окончательно не сопьется. Ведь присмотреть за ним будет некому...

А может быть, это всего лишь капризный сиюминутный порыв, который нужно попросту выкинуть из головы? Платье накануне свадьбы не засветится, и все будет иначе. Она встретит кого-нибудь более подходящего и создаст семью. По собственному выбору. По любви.

А если засветится, что тогда? Принять постыльную неизбежность, позволить надеть на шею петлю брака, нужного лишь деду, куда сильнее внучкиного счастья озабоченного своим социальным статусом?

Сорваться?! Сейчас! Но куда?! Бросить все и рвануть к неизвестной земле, которая, Лера даже не знала, в какой части света находится? Внутри девушки все буквально разрывалось на части от неожиданно нахлынувших противоречивых эмоций.

Или все-таки рискнуть и попытаться найти родителей?

Как она устала слушать тоскливо ноющее сердце каждый раз, когда из кармана появлялась ветшающая фотография утраченной семьи. Ведь не могла же просто так, случайно появиться в ее жизни калининградская группа, специально проделавшая невероятный путь из-за сохранившейся в Пионерске лодки. И новая таинственная экспедиция. Не куда-нибудь, а в Антарктику.

Нужно было решать.

– Вот и управилась, – баба Дина сделала шаг назад и внимательно осмотрела Леру, похожую на куклу вуду, утыканную иголками. – Накануне попросим дядю Мишу тебе букет нарвать и – с богом, под венец.

И снова всхлипнула.

Когда швея, наконец, ее отпустила, Лера незамедлительно отправилась на поиски Батона. «С кем, если не с дядей Мишей, посоветоваться? Кто еще способен понять, не посмеяться, не осудить?..» Но охотник еще не вернулся, и измотанная долгой примеркой девушка отправилась домой. Жутко зудели ребра и грудь, которые, впервые в жизни, безжалостно стиснул непривычный телу корсет. Раздевшись, Лера с наслаждением вытянулась под одеялом и закрыла глаза.

Завтра она обязательно попробует поговорить с капитаном.

* * *

– Смотри, что мне один из калининградских подарил! – выпалил с порога влетевший в комнату Юрик, прижимающий к груди небольшую книжку с потускневшей обложкой.

– Ты чего, стучаться надо! – воскликнула подскочившая на кровати Лера, едва успев прикрыться одеялом.

– «Яр-ма-роч-ный замок»! – игнорируя возглас девушки, прочитал название Юрик. – Здорово да? Дед твой попросил меня к ним передатку одну забросить так их главный так и сказал: «Вот тебе, парень, за труды!». И даже руку пожал!

– Отвернись, я, вообще-то, не одета, – елозившая под одеялом девушка, беспомощно закусила губу, глядя на свои голые ноги, – ветхая ткань уже давно не могла целиком укрыть выросшую хозяйку.

– Чего я там не видел! – с напускным безразличием парировал Юрик.

– Ничего ты там не видел, – покраснела Лера. – Отвернись, говорю!

– Не бойсь. Я за тобой никогда не подглядывал, мы ведь друзья, – успокоил парнишка и демонстративно отвернулся, раскрывая книгу.

– Чертенки! – пробормотала Лера, быстро натягивая тельняшку и втискиваясь в джинсы. – А о чем она?

– Еще не читал. А что такое «Ярмарочный»?

– Не знаю, надо у дяди Миши спросить, – пожала плечами девушка. – Он по таким словам спец, наверняка знает.

– Слушай! А может, это секретная карта какого-нибудь мертвого мародера, в которой указано, как открыть секретный замок в схрон с сокровищами? – мальчишечьи глаза блеснули азартным огнем.

– Ага, фиг бы ее тогда тебе отдали! – фыркнула Лера. – Наверняка просто чьи-нибудь путевые заметки о вылазках или что-то вроде того. Дашь почитать?

– Готов поменять на Птицу Щастья завтрашнего дня! Поймаешь? – Юрик заглянул ей в глаза. – Ты же охотник!

– Юр! Я тебе сколько раз говорила? Нет никакой такой Птицы Щастья! – покачала головой Лера.

– А я тебе говорю, есть! – уверенно заявил Юрик. – И кого она выберет, у того будет Щастье! Мне баушка рассказывала! Она видела. А тебя тогда еще вообще не было!

– Бабушка... – Лера не стала спорить, махнула рукой, сдаваясь. – Ну ладно, скажи хоть, как эта твоя Птица выглядит. А то как я ее на поверхности искать буду?

– Ну... Как. Думаю, у нее шесть крыльев, во-первых, – принялся завирать Юрик. – Думаю, они прозрачные и звенят.

– Птицы вообще не так выглядят! – рассмеялась Лера. – Крылья у них огромные и кожистые! Черные как ночь. И если тебя такая птица выберет – хана тебе, а не «щастье».

– Это твои птицы такие. А моя – не такая, – нахмурился Юрик. – Моя – с шестью прозрачными крыльями. И звенящими.

– Откуда ты только это взял? – усмехнулась Лера.

– Во сне видел! – признался Юрик. – Но там вообще-то все как взаправду было. Так что Птица Щастья тоже, думаю, есть. Ты не найдешь – сам найду!

– А что она тебе так сдалась-то, Птица эта? – подняла бровь Лера. – Что ты с ней делать будешь?

– Как это «что»? – Юрик посмотрел на нее как на дурочку. – В клетку посажу. И буду по людям носить. Она ведь многоцветная, Птица-то. Баушку счастливой сделаю. Себя там. Батона. А начать вообще-то с тебя планировал.

- Почему с меня? – тихо спросила Лера.
- Не знаю, – Юрик засмутился. – Почему-то хочется именно с тебя начать.

* * *

Часть внутреннего портового мола пришлось взорвать, чтобы огромная лодка протиснулась во внутреннюю гавань порта и встала у причальной стенки. Позже общими усилиями над лодкой соорудили из рифленых листов старых портовых хранилищ эллинг для могучего атомохода.

В ангаре, где все эти годы громадной пойманной рыбиной ютилась подлодка, работа шла полным ходом. Местные добытчики, да и просто энтузиасты, желающие подсобить, по дощатым трапам затаскивали на борт ящики с медикаментами, найденными во время вылазки, которой руководил Батон. Кто-то, пыхтя, вдвоем или поодиночке, боролся с заполненными горячим бочками. Под пристальным надзором улыбчивого повара Бориса Игнатьевича, устроившиеся за расставленными тут же столами женщины сортировали по мешкам и корзинам заготовленную впрок немудреную провизию.

– Ну, она и здоро-о-овая! – восхищенно прошептал Юрик, когда они с Лерой спрятались за поставленными друг на друга ящиками, на каждом из которых стояла таинственная и малопонятная подросткам маркировка «12,7 мм». – Говорят, там внутри целый город! Папа рассказывал, что когда у Лобачевых старший сын чуть квартиру не спалил, капитан его на борт с завязанными глазами отвел и где-то там оставил. Пацан повязку-то снял, да вот выход почти шесть часов найти пытался. Когда его вытащили, колотился весь. Месяц потом из дому носа не казал.

- Слышала, – в ответ прошептала Лера.
- Пошли, посмотрим поближе.

Прежде чем девушка успела испуганно шикнуть, Юрик, прячась за ящиками и массивным инвентарем, стал пробираться к лодке.

– Смотри, а это что? Рыба?! – продолжал азартно комментировать парнишка, когда Лера пристроилась рядом с ним в новом укрытии. – Треску опять на рыбалку отпустили, что ли? Его же после того, как он последние сети утопил, отстранили.

- Новые сплел, – предположила Лера.
- С ума сошла? Из чего? Из буренкиных потрохов?

Девушка рассеянно пожала плечами. Сейчас она чувствовала, как от вида приготовлений по телу горячей волной растекается незнакомое радостное возбуждение. Нечто подобное Лера ощущала всего один раз в жизни – когда Батон только учил ее стрелять.

- Путешествие. Другие места.
- Свобода!

* * *

– Войдите, – раздался изнутри прокуренный голос Лобачева, едва Лера оторвала от двери кулак.

- Здравствуйте, Юрий Борисович, – проходя в помещение, поздоровалась девушка.
- Здорово, Валерия, – Лобачев оторвался от мореходных карт, в изобилии разложенных на столе. – С чем пожаловала? Как Ерофеич?
- Спасибо, ничего. Я к вам... то есть, – растерянно забормотала Лера, мгновенно позабывшая все заранее отрепетированные фразы.
- Да ты садись, – указывая на стул, предложил Лобачев.

– Понимаете, я... – бормотала Лера, изучая носки стоптанных ботинок и мысленно ругая себя за глупость. Стоило приходиться!

– Да ты не тушуйся. Говори, как есть, – подбодрил капитан и поднялся из-за стола. – Чаю хочешь?

– Нет, спасибо, – тихо ответила Лера и вдруг решила. – Возьмите меня с собой!

Огорошенный вопросом Лобачев так и застыл, не донеся жестянку с грибной заваркой до кружки.

– Куда?

– В Антарктику.

– А тебе-то зачем? – оправился от первого потрясения Лобачев и сыпанул заварки в кружку. – У тебя ж свадьба скоро, совсем другие заботы начнутся.

– Мне нужно... понимаете, – опять сбилась растерявшаяся под внимательным взглядом капитана девушка. – Родители...

– Ах, это, – вздохнул Лобачев и, придвинув стул, сел рядом с Лерой. – Я же тебе рассказывал. К началу войны там находилось более восьмидесяти исследовательских баз, включая наши. Стреляли по ним, нет, – но если бы там кто-то выжил, за двадцать лет они смогли бы найти способ выйти на связь. Двадцать, Лера. Ты, вон, за это время выросла и свою семью создаешь. Это же пропасть!

– Понимаю, – пробормотала девушка и всхлипнула.

– Не ты одна с этим живешь, уж поверь. У меня тоже родители и первая жена... Там остались, в Северодвинске. Я тогда в автономке был, – голос Лобачева изменился.

Шерстяной свитер мешком сидел на ссутулившейся фигуре человека, который в глазах маленькой Леры всегда был героем. Но сейчас перед ней сидел обычный и адски уставший от постоянного напряжения человек.

– Знаешь, что для моряка самое страшное? Это когда некуда возвращаться. Зовешь, зовешь на всех частотах – первой, второй, третьей... А в ответ – тишина. До сих пор кровь стынет, как вспомню голоса моряков, которые во сне мамку звали. Потом со всех сторон налегло: «В Англию!», «Америку!», «Севастополь!», «Хоть куда-нибудь! К черту на рога!» Я тогда команду еле от бунта удержал. Все с ума посходили. Рвали друг друга, как голодные медведи...

Лера молча слушала.

– Отпусти ты их, дочка, – поднял голову Лобачев, и девушка различила в уголках его тускнеющих глаз бусинки слез. – Там они все остались. За чертой.

– И что, нет надежды?

– Надежда... – Лобачев скривился устало. – Я и слово-то это скоро забуду...

– Ой, Лерусик, привет! – в квартиру зашла лобачевская жена, сжимающая ручонку их младшего сынишки. – Юра, ну ты расселся. Хоть бы чаем девчонку напоил!

– Спасибо, Вера Михайловна, – Лера встала. – Мне уже идти пора, дед просил не задерживаться.

– Ну ладно. Передавай ему привет, пусть тоже заходит.

– Обязательно передам. До свидания.

Перед тем как Лера закрыла за собой дверь, до нее донесся тихий голос Лобачева.

– За чертой...

* * *

В маленькой каморке, где обитал Птах, по обыкновению царил полумрак. Ровное пламя единственной карбидки едва освещало лики святых, смотревших на застывшую на пороге Леру грустными глазами с растрескавшихся икон.

– Птах, это я, Лера, – тихо позвала девушка. – Можно войти?

– Входи-входи, милая, – донеслось из дальнего угла. – Навести дедушку.

– Я посоветоваться зашла, – Лера осторожно присела рядом с лежащим на полу стариком.

– В дорогу дальнюю горлица собралась, – тихо пробормотал Птах, ворочаясь на своем матрасе, но не открывая глаз. – Манят душу тропинки новые, пути неисповедимые.

Хоть Лера и была к этому готова, она все равно вздрогнула. Эту особенность Птаха знали все. Вроде болтает сумасшедший старик всякий вздор, так ведь на то и сумасшедший. Поначалу смеялись, а как раз от раза сбываться стало, так и сторониться начали. Крепко думали, прежде чем за советом приходить. Только по серьезным поводам обращались. Поверить старику свои секреты было не страшно, так как после каждого своего «сеанса» у него жутко ломило голову, словно с похмелья, и напрочь отшибало память. Где такое с ним приключилось, одному Богу известно. То ли на поверхности, то ли еще где.

– Уйти я хочу, – тихо сказала Лера.

– Время положенное, горлица должна гнездо вить, – назидательно пробормотал неподвижный старик.

– Не будет свадьбы, – девушка отвернулась от Птаха и посмотрела на стоящее пламя карбидки. – Не пойду за него.

– А за море пойдешь? – лежащий старик по-прежнему не открывал глаз.

– Что, если родители живы? – не поворачиваясь, Лера, наконец, задала просящийся с языка вопрос. – Вдруг я могу их найти?

– И что с ними делать будешь? Хороводы водить? Нет там ничего. Здесь твои родители, – сухой палец ткнул девушку в грудь. – А поедешь – черным людям на корм пойдешь. Ионы во чреве китовом. Нельзя плыть.

– Я решила, – упрямо сказала Лера и повела плечами – перед глазами снова встало прыщавое лицо суженого Вити.

– Если так, зачем пришла? – ей показалось, что старик чуть улыбнулся под вечно всклокоченной бородой.

– Не знаю, – Лера потупилась, спрятав ладони между коленями.

– Ледяной плен не пустит, холодом душу скует, – тихо пробормотал Птах, повернулся и, взяв ее руку, что-то бережно вложил в нее, прикрыв подарок девичьими пальцами. – Молись.

– Я не умею, – растерялась девушка, смотря на свой сжатый кулак.

– И люди на ледяной земле не умеют, – странно ответил старик и протянул ей руки. – Дай мне длани свои.

– Зачем? – растерялась Лера, увидев, что ладони Птаха сильно обожжены.

– Дай мне длани свои, – терпеливо повторил тот. – И закрой глаза.

Поборов внутренний страх, девушка робко вложила свои руки в ладони старика. Они были холодными-прехолодными...

– Господи! – почувствовав ее прикосновение, негромко заговорил Птах. – Благодарю тебя за каждый день, что дан мне великою волей Твоею. Благодарю за еду и кров, насыщающие и согревающие меня. И верю, что все делается по высшему Твоему святому помышлению. Аминь!

Старец замолчал, и девушка решила открыть глаза. Птах смотрел на нее и грустно улыбался.

– Повторяй ее иногда, и он будет рядом.

– Кто?

– Бог, который придумал тебя и меня, – порывшись под своей лежанкой, Птах протянул девушке маленький потрепанный томик. – Вот, тебе она нужнее.

– Что это? – Лера с любопытством посмотрела на книжку.

– Библия.

– Но я не могу! Это же вера, надежда! – излишне громко воскликнула девушка и, спохватившись, понизила голос, спешно подбирая слова. – Так многие говорят... Она же одна в убежище. Ее нельзя уносить.

– А толку-то? – усмехнулся старик и настойчиво сунул Лере книгу. – За все время у Пташки ее никто не попросил, а свадьбы да отпевания – это так, для ритуала больше. Бери. Теперь все в твоих руках: и вера, и надежда. Только любви нет. А в ней-то и сокрыт ключ к спасению м-м-м... – он поморщился, приложив пальцы к вискам. – Голова... голову ломит.

Это был сигнал, что Лере пора уходить.

– Пойду я, – спрятав книгу под тельняшку, она поднялась, от чего колыхнулось пламя карбидки. – Спасибо вам.

– С богом. Вспоминай Пташку.

Выходящая Лера тихонько прикрыла за собой дверь и разжала ладонь, на которой лежал маленький нательный крестик.

Оставшийся в каморке старик отвернулся к стене и, обняв себя за плечи, жалобно забормотал:

– И взглянул я, и вот Атом, и на нем всадник, которому имя смерть. И ад следовал за ним, и дана ему власть над четвертою частью земли – умерщвлять мечом и голодом, и мором и зверями земными. И расступится твердая вода, и белое станет алым...

* * *

Ночью накануне отплытия Лера лежала на кровати, с нетерпением выжидая, когда дед, наконец, уснет.

Прислушавшись к себе, она еще раз убедилась, что решение приняла твердо, несмотря на странные подарки и увещевания Птаха, несмотря и на разговор с Лобачевым.

К побегу давно все было готово, и девушке оставалось лишь выждать удобный момент. Нервы были напряжены, как стальные канаты. Не обратил ли дед внимание, что она слишком много болтала за ужином? Не заподозрил ли чего? Сунув руку под кровать, Лера нащупала плотно набитый рюкзак. На месте. Порядок.

Еще раз проверила несколько аккуратно сложенных листков с планами атомохода в разрезе. Страницы из технической книги в библиотеке Лобачева, которые она вырезала, пока хозяев не было дома, в убежище давно не запирались на ключ. Лера сторала от стыда, но куда в этом лабиринте без карты?

Вскоре за стенкой перестали возиться, и под дверью пропала неровная полоска света от затушенной карбидки. Еще немного посидев в тишине, Лера достала клочок бумаги с заранее составленной прощальной запиской. Дядя Миша спозаранку собирался совершить длительную вылазку, на целый день, и это могло послужить отличным поводом для неожиданной отлучки девушки, когда Ерофеич поутру обнаружит ее пустую кровать. С первой частью готово. А вот дальше... Дальше надежда на Юрика.

Несмотря на то что времени было в обрез, одевалась медленно. Каждая вещица и деталь, составляющие нехитрую начинку их простенького жилища, вдруг стали пронзительно родными. Немудрено, ведь она прожила в этой комнате всю свою сознательную жизнь. Только сейчас, покидая родной дом, может быть, навсегда, Лера увидела, что вечно занятый делами Совета ворчливый дед все-таки нашел время и починил старый шкафчик на стене, который много лет заваливался на бок. Сколько раз она просила его это сделать. Раздражалась. И вот шкафчик снова висел как положено, а она этого даже не заметила.

Осторожно приоткрыв дверь на половину деда, тихо постояла на пороге. Поцеловать не решилась, боясь разбудить. А ведь сколько все-таки для нее сделал этот неумолимо стареющий, родной человек! Вырастил, выходил, рассказывал истории перед сном, заказывал у добытчиков

книги и игрушки. У них всегда была неплохая еда. Получается, сейчас она, неблагодарная, его предаст? Шмыгнув носом, Лера размазала бегущие по щекам упрямые слезы. Но было ли предательством ее желание самостоятельно решать свою судьбу? Пожизненный гнет семейного быта с нелюбимым человеком в обмен на право всего лишь иметь слово в бессмысленных спорах...

Как ее выходку расценит Совет и что сделают с беглянкой, когда... если она вернется? Плевать! Лопухая образина наверняка успеет жениться на одной из своих смазливых расфуфыренных поклонниц, у него (а вернее – у богатств его папаши) их целый табун. На Лере что, свет клином сошелся? Она не приз и не вещь, которой можно распоряжаться по своему усмотрению. Девушка снова тихонько шмыгнула носом, посмотрев на укрытую пледом фигуру. Все у деда будет хорошо.

Оставалось последнее. Где Ерофеев прятал ключ от сейфа, в котором хранилось оружие, Лера подглядела давно: день ото дня все сильнее назревало желание как следует пугнуть распоясавшегося жениха. Медленно проворачивая ключ, чтобы замок шелкнул как можно тише, девушка не сводила испуганных глаз со спящего. Сердце колотилось, как после бега по пересеченной местности.

Разряженный «макаров» лежал на нижней полке. Сунув пистолет в висящую на бедре кобуру, девушка быстренько выскребла из сейфа запасную обойму и две коробки с патронами.

Возвращая ключ в тайник у двери в перегородке, нервничающая, а от этого совершающая много лишних движений, Лера выронила одну из них. К счастью, пол покрывал старый стоптанный половик, смягчивший звук удара и позвякивание брызнувших во все стороны патронов. Лера замерла на полусогнутых, боясь вздохнуть. Заколотившееся сердце словно макнули в ведро с колотым льдом. Все, что должно было произойти дальше, четкой картинкой встало перед глазами. Сейчас дед проснется и, несмотря на возраст девчонки, выплет ей дубленным армейским ремнем так, что она потом неделю не сможет нормально сидеть.

Ерофеич всхрипнул, причмокнул губами, поворачиваясь на бок, но глаз так и не открыл. Полуживая от страха, Лера быстро опустилась на колени. Руки в свалывшихся шерстяных перчатках с отрезанными пальцами, подбирающие патроны, замелькали над половиком, словно головы птиц, клюющих рассыпанное зерно.

Наконец, рассовав по карманам боеприпасы и натянув на уши шапку, Лера присела на дорожку. Провела ладонью по ворсистому одеялу, которое бережно стирала и штопала все эти годы. Так хотелось взять его с собой, но исчезновение могло вызвать ненужные подозрения деда. Зачем, спрашивается, на охоте одеяло, да еще и днем?

Взглянув на съездившийся в бутылке цветок, положила рядом записку и, на цыпочках перейдя свою комнату, тихонько прикрыла за собой дверь.

– Прощай, деда! Прости...

В коридоре стояла наполненная важностью предстоящего события тишина.

Теперь нужно было найти Юрика, который колобродил как обычно в бесчисленных коридорах. Проходя мимо двери в жилище капитана Лобачева, Лера различила тихие женские всхлипывания и рокочущий мужской голос.

– Так и знал, что ты что-то задумала! – звонко прошептал появившийся из сумрака Юрик. – А мне сложно сказать? Друг называется!

– Тихо! Я как раз тебя ищу! – схватив под локоть, Лера оттащила парнишку к стене. – Вот, послезавтра передашь деду.

Она протянула приятелю сложенный листок бумаги.

– Что это? – Юрик попытался развернуть листок.

– Не читай! – остановила Лера. – Это записка для деда. Убегаю я.

– Куда?!

– С лодкой. В Антарктику.

– А-а, это чтобы за лопоухого замуж не идти? – немного подумав, понимающе протянул Юрик.

– Что-то вроде.

– Понимаю, не сахар. А с тобой можно?

– Нет. На кого мать оставишь, подумал?

– А ты деда своего? – тут же парировал Юрик.

– Он мужчина и член Совета. Не пропадет.

– Вечно все испортишь, – со вздохом опустил голову парнишка и, неожиданно что-то вспомнив, засуетился. – погоди! Я сейчас быстро домой сбегаю, только никуда не уходи!

Лера собиралась возразить, но Юрика и след простыл. Впрочем, через несколько минут он вернулся и протянул ей что-то замотанное в тряпицу.

– Вот, хотел на свадьбу подарить, но раз такое дело, держи сейчас.

Развернув сверток, Лера с удивлением повертела в руках самодельную рогатку.

– Я у добытчиков специально с поверхности несколько веток попросил, – с гордостью прокомментировал мальчишка. – Думал, может, тебе пригодится?

– Где? В семейной жизни? – Лера засмеялась но, видя серьезность приятеля, осеклась.

– С оружием сейчас сама знаешь, перебои. Дед вон твой «макарыч» в сейф запирает...

– А ты откуда знаешь?!

– Разведка донесла. С рогаткой ты всегда вооружена, мне спокойней будет. Оставь мне что-нибудь на память, – неожиданно попросил он.

– Что? – растерялась беглянка.

– Не знаю.

Посмотрев на поникшую фигурку приятеля, Лера поддалась секундному порыву и, наклонившись, чмокнула Юрика в щеку.

– Мне пора, – выпрямившись, она пошла по коридору. – Приглядывай за дедом, ладно? Надеюсь, еще увидимся.

– Пудреницу взяла? – с беспокойством окликнул девушку Юрик, у которого от внезапного счастья запылали уши.

– Да, – кивнула Лера, пощупав задний карман джинсов.

– Переложил. А то сядешь, – посоветовал Юрик и тихо добавил: – Вспоминай обо мне.

– Хорошо, – смутилась остановившаяся Лера: вечно дуркующий парнишка как-то неожиданно повзрослел.

В этот момент в коридоре мягко погас свет, и силуэты замерших ребят несколько секунд выхватывали из сумрака малиновые сполохи аварийного освещения.

– Лодку отключили, – догадалась Лера, когда под потолком с едва слышным гудением снова разлился тусклый желтоватый свет. – Я пошла.

– Ты вернешься?

– Обещаю. С кем еще ты будешь собрания старейшин срывать?

– А помнишь, как мы подложили бомбу-вонючку Климову, когда они совещались о ремонте дренажных систем? – лицо Юрика тут же растянулось в улыбке.

– Еще бы! С ним потом неделю не разговаривали, – засмеялась Лера. – Завтра тоже будет финт – накануне свадьбы старейшин невеста сбежала!

– Класс! – оценил Юрик. – Крик поднимут! Я тебе потом все в подробностях расскажу...

Где-то в глубине коридора гулко хлопнула дверь.

– Возвращайся быстрее, – обернувшись, поторопил подругу Юрик. – Я буду скучать.

– Я тоже, – прошептала Лера.

Юрик кивнул и растворился во мраке коридора. Но сгустившаяся темнота еще пела его звенящим голосом:

Выбери меня!
Выбери меня!
Птица счастья завтрашнего дня!

* * *

Ствол вентиляционной шахты по обыкновению встретил ее таинственной полумглой и тишиной. Лера немного постояла, задрав голову, привычно всматриваясь в невидимый конец колодца. Ни шороха, ни знакомых аккордов чарующей мелодии, ради которых она столько лет тайком убегала с плантации, чтобы здесь, в одиночестве, укрывшись от посторонних глаз, побыть наедине с фотокарточкой родителей и своими мыслями.

Ни звука.

Загадочное место словно давало понять, что сейчас не желает посторонними шумами нарушать торжественную тишину, пронизывающую убежище и ее обитателей. Сверху долетел легкий порыв теплого воздуха, пропитанный запахом смазки работающих где-то наверху воздухоочистительных фильтров, и тихонько потрепал выбившуюся из-под шапки челку.

Как будто прощаясь.

Ждать не решилась – время стремительно утекало, словно песок сквозь пальцы.

– В другой раз, – сунув большой палец за лямку рюкзака, уверенно прошептала Лера и, в последний раз оглядев свое секретное место, быстро зашагала назад.

* * *

Рядом с дырявой бочкой, в которой с потрескиванием трепыхалось пламя, расположились трое ребят, оставленных на карауле. Переговаривались вполголоса. Неуверенно тренькала гитара.

На цыпочках прошмыгнув в ангар, Лера в очередной раз поразилась размерам окутанной сумраком лодки. Наверное, в старину все враги бросались наутек, едва завидев такое чудище, подумалось девушке. «Иван Грозный». Сташестидесятиметровый кит-исполин с душой былинного богатыря. Лера понятия не имела, кто такой Иван Грозный, но почему-то была уверена, что человек с таким именем обязательно должен быть похож на героев многочисленных сказаний, которыми изредка пересыпал свои сбивчивые проповеди Птах.

– ... вот такой он Женька-фармазо-он, – с неуклюжим завершающим аккордом донеслось от костра, и негромко зашелестел одобрителный мужской хохоток.

Лера осторожно выглянула из-за поставленных друг на друга пустых топливных бочек. Рома-Дрын, Витя-Кальмар и местный заводила – Петя по кличке Шкура, которого так прозвали за ношение добытой с поверхности фасонистой кожаной куртки. Как всегда – с гитарой. Говорят, он ее обнимает куда чаще и охотнее, чем свою Вику... Нашли, кого оставить! Хотя, по большому счету, беглянке это даже на руку. Будет легче осуществить задуманное.

И Лера не стала медлить.

Достав из рюкзака фонарик и схему лодки, она подбежала к перекинутому на судно трапу и, изо всех сил стараясь, чтобы под ботинками предательски не скрипела доска, призрачной тенью юркнула на борт.

– Шкура, давай еще одну, – попросил Витя-Кальмар, прикуривая от мятущегося пламени самокрутку. – Да чтоб так, позабористей.

– Сейчас, подтяну только, – заскрипел струнами гитарист.

– Ты хоть настраивать умеешь? – фыркнул Дрын и бросил в бочку окурков.

– Не учи папу любить маму, – авторитетно оборвал Шкура.

Снова засмеявшиеся караульные не заметили, как от сложенных рядом с лодкой бочек отделилась еще одна тень и взбежала по трапу на борт, вслед за Лерой.

Натужный скрип досок заглушил первый гитарный аккорд.

* * *

Утром провожать лодку собралось все убежище от мала до велика. Пока створы ангарных ворот неторопливо расползались в стороны, успели в очередной раз наплакаться, заново перецеловать родные детские и женские лица, обнять друзей и рассовать по карманам памятные безделушки. Песен не было: «Прощание Славянки» без инструментов исполнить не получалось. В воздухе стоял возбужденный гомон.

– Ой, кровиночка ты моя! – в сотый раз приглаживая натянутую на могучие плечи Тараса химзащиту, причитала зареванная Михална. – Смотри, не простынь там. Деткам гостинцев привези.

– Ледышек, что ли? Так, глядишь, не довезу. Ну, полно, полно, мать, – пытался успокоить всхлипывающую жену явно растроганный Тарас. – Свидимся еще.

Чинно попрощавшись со старейшинами, облаченный в хрустящий кожаный плащ и начищенную фуражку капитан, гремя сапогами, поднялся на борт. Оставшиеся на берегу молча следили, как неторопливо убрали трап.

– Отдать швартовы! – наконец зычно скомандовал Лобачев.

– Ну, вот... Бог дал, бог и взял, – тихонько всхлипнула горстка толпящихся на пирсе старушек. – Как же мы без Иванушки-то теперь, горемычные?

– Хватит причитать, никуда они не денутся! – буркнул кто-то из мужиков в потертых офицерских кителях. – Мертвая та ледышка. Если тогда кто-то и выжил, то наверняка передохли все давно с голоду. Не найдут там ничего, да обратно воротятся. Благо, хоть «Грозный» разомнется, а то застоялся совсем. Глянь, как на волю тянет!

Лодка отправлялась в путь, медленно выходя в Балтийское море.

На крыше опустевшего ангара стояла одинокая фигура, под которой с гулким рокотом сомкнулись створы ворот. Соленый ветер трепал прикрывающие худое тело лохмотья. Что-то бормоча невидимыми под всклокоченной бородой губами, человек неторопливо крестил удаляющуюся навстречу неизвестности лодку.

Это был Птах.

Глава 4

Солярик

Коридоры, коридоры, перегородки между отсеками, лестницы, двери с непонятными словами и буквами, змеящиеся трубы и пузатые вентили... все в обрамлении сложнейших приборов и устройств непонятного назначения. Пробираясь по этому рукотворному лабиринту накануне побега, Лера благоговейно глазела по сторонам. Прав был Юрик – лодка казалась плавучим городом. Сколько же она могла вместить людей? И как капитан с командой не потеряются здесь? Ха! А она-то думала, что будет трудно найти, где спрятаться. Теперь осталось присмотреть уголок поукромней. В поисках убежища девушка инстинктивно продолжала спускаться вниз, с каждым пролетом глубже проникая в недра лодки.

Наконец она нашла его за очередной массивной дверью с загадочной надписью «АСА». Застыв в дверном проеме и забыв про карту в опустившейся руке, Лера водила лучом фонарика по необъятному боку застывшего в чреве лодки механизма. Это был большой спасательный бот, изготовленный специально для субмарины такого класса, в экстренной ситуации способный вместить всю команду – без малого сто человек. Забравшись внутрь спасательного аппарата и оглядев каюту, Лера подумала, что здесь запросто могла бы поместиться их столовая в убежище.

Внутри бота было тепло. Стоячий воздух уютно пах резиной. Бросив рюкзак у круглой двери, Лера пошла по каюте, оглядывая ряды сидений вдоль стен. Может быть, так выглядели вагоны метро, о котором рассказывал дед? Присев на одно из посадочных мест, девушка стянула ботинки с шапкой и легла на бочок, подложив под щеку ладони. Тут ее точно не найдут! Кому в начале путешествия может потребоваться спасательный бот?

Несмотря на нервоз, вызванный дерзкой выходкой, уснуть удалось почти сразу – все-таки Лера еще была дома...

Ее разбудил громкий хруст. Спросонья привстав на сиденье, девушка включила фонарик и огляделась. На первый взгляд каюта по-прежнему была пуста.

– Эй, – шепотом позвала Лера. – Тут есть кто-нибудь?

Глупый вопрос. Понятно, что есть, – кто-то же издает эти звуки. Неужели нашли?! Дед все-таки заподозрил неладное или Юрик заложил, приревновав Леру к опасному приключению? Или, что еще хуже...

– Юрик, это ты?

Тишина. Сбросив куртку, которой она укрывалась вместо одеяла, девушка быстро зашнуровала ботинки. Даже через толстые подошвы чувствовалось, как едва ощутимо вибрирует пол.

Перестав суетиться, Лера облегченно выдохнула.

Значит, она проспала отплытие и лодка уже в море. Вот и славно. Берег наверняка далеко, а это значит, что теперь уже поздно препираться с собственной совестью. Возвращаться из-за нее все равно никто не станет. И к тому же, никто не знал, что она пробралась на борт.

Шевеление и хруст доносились от двери в каюту. Там, где был оставлен рюкзак. Лера подняла фонарь, и в луче света показался торчащий из раскрытого рюкзака белый пушистый зад. Толстый, похожий на вытасченного из земли червяка, лысый хвост энергично елозил по полу. Больше всего это напоминало...

Лера чуть не заорала от ужаса. На оставшейся позади суше содержимое многочисленных складов привлекало в убежище полчища крыс, и девушка неоднократно с содроганием наблюдала, как Азат выжигает пищащую массу из огнемета.

– А ну пошла, – неуверенно пробормотала девушка.

Грызун не шелохнулся. Невидимые челюсти продолжали невозмутимо харчить Лерины запасы.

– Кому говорю! – перехватив фонарь, Лера непослушными пальцами расшнуровала ботинок и, стащив его с ноги, запустила им в рюкзак.

Послышался глухой удар, и высунувшееся из сумки существо издало громкий, угрожающий писк. От неожиданно резкого звука Лера дернулась и выронила фонарь.

Убранный перед сном спасительный пистолет и рогатка, подаренная Юриком, остались все в том же рюкзаке. Отбиваться было нечем.

– Мамочки...

В сумраке сверкнули два глаза, красные, словно ягоды смородины. Подобрав фонарь, Лера попятилась, тщетно пытаясь найти выход из положения. Серый мародер находился как раз перед входной дверью бота, отрезая напуганной девушке путь к спасению. От обычной крысы он несколько отличался: уши и голова покруглее, морда не такая вытянутая. Хотя кто их знает, может, корабельные крысы (про них Лера неоднократно слышала) именно так и выглядят? Зверь пока не проявлял агрессии, но кто знает, чего от него ждать?

– Брысь! – чувствуя, как губы начинают предательски дрожать, Лера топнула, от испуга сделав это ногой без ботинка, поэтому толстый шерстяной носок заглушил звук удара. – Ну, пожалуйста.

В этот момент снова сунувшаяся в рюкзак крыса стала пятиться задом, и Лера увидела в ее зубах изрядно пожеванный план лодки. Беглянку словно водой окатили – без спасительной схемы она мгновенно заблудится в бесчисленных коридорах и, что еще хуже, обнаружит себя раньше времени. Хоть Лера и была уверена, что ее не ссадят, но все-таки решила подождать, пока судно достаточно углубится в море.

И вот теперь какая-то хвостатая гадина все портит в самом начале пути! У Леры даже сбилось дыхание, настолько гнев пересилил страх. Подскочив к рюкзаку, девушка пнула взвизгнувшую крысу ботинком. Та отлетела к стене, выпустив недожеванную добычу. Девушка же опустилась на колени и, отложив фонарь, подняла план лодки, превращенный в бесформенные бумажные лохмотья. Ей стало так обидно, что к глазам подступили слезы. Лера подняла голову и посмотрела в ту сторону, куда отфутболила крысу. Та уселась на задние лапы и, привалившись к стене, положила передние на живот. За девушкой внимательно следили умные глазенки, под которыми словно антенны шевелились большие усы.

– Тебе грибов было мало? – всхлипнула девушка, забыв про недавний страх. – Вот и перчатки испортила, чучело! Чего смотришь?

Вспомнив о подарке Птаха, Лера судорожно выпотрошила рюкзак – Библия оказалась цела. Крыса продолжала сидеть молча, словно обдумывая, что ей ответить.

– Как я без карты? – причитала Лера. – Дорогу сюда не запоминала, торопилась. А теперь и до туалета не дойду.

– Пи! – невозмутимо донеслось от стены.

– Конечно, – увидев, что крыса не собирается нападать, Лера немного успокоилась. – Сама, небось, каждый закоулок давно обнюхала.

– Пи-пи!

– Ну да, у тебя-то с этим проблем нет. А мне туалет нужен, понимаешь? Ту-а-лет!

– Пи! – на мгновение Лере показалось, что зверек... кивнул.

Прищурившись, девушка всмотрелась в сливающийся со стеной силуэт. Обитательница лодки была неподвижна, словно изучала незнакомое, невесть откуда взявшееся существо.

– Ничего ты не понимаешь. Что, грибы понравились? – Лера вздохнула и просунула пальцы сквозь прогрызенные в мешке дырки. – Я их запасла, чтобы первые дни отсидеть. Теперь, похоже, придется кухню искать.

Ссыпав остатки грибов на ладонь, Лера сунула один в рот, а другим поманила зверька.

– Иди сюда, не бойся.

Крыса по-прежнему была неподвижна, но девушка заметила, что усы-антенны зашевелились энергичнее.

– Иди же. Ц-ц-ц! – протягивая руку, Лера поцокала языком. – Ты крыса или кто?

Опустившись на все четыре лапы, грызун сделал несколько шагов к девушке, забавно виляя увесистым задом.

– Давай, не трону я тебя, – стараясь придать голосу дружелюбности, пообещала девушка. – Извини, что поддала.

Зверек, предварительно обнюхав ее руку, все-таки взял корешок и, усевшись на задние лапы, с удовольствием захрустел.

– Но ведь нельзя же ломиться без стука, – продолжала Лера, а сама подумала, что ситуация как раз выглядит наоборот, и это она бесцеремонно вторглась на чужую территорию.

– А есть тут еще такие, как ты? – стряхнув с ладоней крошки, спросила она.

Расправившийся с грибом зверек неожиданно выдал длинную тираду, состоящую из писков различного тембра и длины. Прислушавшись, жующая Лера с удивлением отметила, что крыса меняет интонации, словно выражая какие-то свои вовсе не односложные мысли.

– Есть хочется, – вздохнула девушка и оглядела каюту. – Не знаешь, где кухня? Может, удастся, чего-нибудь, стянуть.

– Пи? – подала голос крыса и почесала острую мордочку.

Еще раз, посмотрев на изжеванный план лодки, девушка стала натягивать ботинок.

– Вот и я не знаю.

«Ионы во чреве китовом», – вспомнилась Лере таинственная присказка Птаха.

Чем выше она поднималась, тем явственнее ощущалось присутствие других людей. Вот где-то по лестнице прогремели шаги, за очередной приоткрытой дверью кто-то щипал гитарные струны. Здесь разместились калининградская группа, догадалась прошмыгнувшая мимо девушка. Крыса семеняла следом.

Неожиданно впереди послышался смех, и Лера сбавила шаг.

– Хотите самый короткий? – поинтересовался невидимый за приоткрытой дверью кают-компания Азат. – Девушка спрашивает моряка: «Скажите, а море красивое?» «Извините, – отвечает тот, – никогда не видел. Я – подводник!»

Прозвучало несколько смешков.

– А вот еще один, – притаившаяся Лера узнала веселый голос Савельева. – Аварийная ситуация. Подлюдка лежит на дне, балласт продуть не удастся. Командир берет «каштан» и объявляет: «Ребята в отсеках, у меня для вас две новости, первая – плохая, вторая – хорошая. Начну с плохой: воздуха у нас на два часа. А хорошая: зато продовольствия – на семьдесят дней».

Из-за двери снова донесся одобрительный хохот, и Лера призрачной тенью мелькнула в узкой полоске света, льющегося изнутри.

– Какая огромная кухня! – не сдержалась она.

В этот час пустые владения Бориса Игнатьевича произвели на девушку впечатление. Начищенные кастрюли и сковородки, развешанные над мойками и разделочными столами, рифленые трубы вытяжек и полки с тарелками... И все эти годы, что лодка стояла в убежище, никто не удосужился принести хоть чуточку этой красоты в столовую?

И сразу заметила вместительную кастрюлю на огне, в которой что-то аппетитно шкворчало. Схватившись за крышку, тут же с шипением отдернула руку, закусив губу. Нашла тряпку, обернула ею ручку... В кастрюле пузырилось бурое варево непонятной консистенции, источающее такой восхитительный аромат, что Лера даже зажмурилась от удовольствия. Поиски ложки заняли чуть больше времени. Наконец, зачерпнув из кастрюли, девушка легонько подула на дымящуюся пищу. Только вот донести ложку до рта не получилось.

– Было же ясно сказано, обед через два часа!

Лера дернулась от неожиданности и, уронив ложку в кастрюлю, резко обернулась, встретившись взглядами с Паштетом и Треской.

Отправляясь в поход, Борис Игнатьевич не мог не взять двух своих главных помощников. Низенький и полный Треска, прозванный так за недюжинную искусность в рыболовном деле, и долговязый Паштет, вытянутое лицо с орлиным носом которого было похоже на настоженную мордочку грызуна, были признанными мастерами поварского дела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.